

С е р г е й П с а р ё в

Прощание с империей

Сергей Иванович Псарёв

Прощание с империей

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=62777612

*Прощание с империей:
ISBN 978-5-00165-151-2*

Аннотация

Вам никогда не хотелось остановить стремительный бег времени и заглянуть в прошлое? Автор книги, Сергей Псарёв, петербургский писатель и художник, предлагает читателям совершить такое путешествие и стать участником событий, навсегда изменивших нашу привычную жизнь. В книгу вошла повесть о послевоенном поколении и службе на космодроме Байконур, а также материалы, связанные с историей лейб-гвардии Семёновского полка, давшего историческое название одному из интереснейших уголков старого Петербурга – Семенцам. Многие страницы повествования проникнуты тонкой лирикой, это причудливая мозаика из сохранившихся и утраченных адресов, отпечатков разных человеческих судеб, счастливых и страшно изломанных потрясениями минувшего XX века.

Книга иллюстрирована авторскими работами и предназначена широкому кругу читателей.

На лицевой стороне обложки: «Февраль. Исаакиевская площадь», на обороте: «Байконур. На самой дальней 95-й площадке».

Содержание

В поисках света	10
Осенняя мозаика	10
Подснежники февраля	17
Спи, моя крошка...	24
Старые вещи	27
Парк советского периода	35
Царское Село. Забытая страница	52
Русская Голгофа	80
Часы с кукушкой	80
Юбилей	83
Ветры больших перемен	85
Долгая игра со спичками	88
О русской армии и принятой присяге	95
Когда наступает завтра	102
Вместо эпилога	107
Лестница в небо	115
Чёрное солнце	116
Падение империи	120
Есть такая профессия	130
Курсанты	144
Начало	168
Конец ознакомительного фрагмента.	189

Сергей Псарёв

Прощание с империей

Фёдоровский Государев собор в Царском Селе

В поисках света

Осенняя мозаика

*Урну с водой уронив, об утёс её дева разбила.
Дева печально сидит, праздный держа черепок.
Чудо! не сякнет вода, изливаясь из урны
разбитой;
Дева, над вечной струёй, вечно печальна сидит.*

А. С. Пушкин, 1830 г. «Царскосельская статуя»

Жизнь, которая не бьёт фонтаном, но звучит, словно тонкая натянутая струна. Не знаю, как должно быть на самом деле. Потому что это совсем не твой выбор, а посланная судьба...

Передо мной оторвавшийся берёзовый листок. Он большой, со сложной поверхностью, на которой замечаю какое-то изображение. Ясно вижу чьё-то лицо, кто-то смотрит и кивает мне головой, зовёт. Я беру тебя за руку, и мы вместе идём туда. Нам немного страшно, но впереди так много яркого света... Мы машем крыльями и летим к нему. Потом берёзовый листок начинает покрываться пятнами, сохнуть и сворачиваться. Мы оказываемся в каком-то замкнутом пространстве, а затем проваливаемся и летим вниз...

- Что сегодня за окном, любимый?
- Осень...
- Как хочется куда-нибудь сейчас...
- Давай, поедem в Царское Село? Сегодня не воскресенье и так будет даже лучше.

Свободны, ветрены и пьяны,
Там улыбаются уланы,
Вскочив на крепкое седло...

- Кто этого не помнит? Там ещё есть: казармы, парки и дворцы...
- Только эти дворцы и казармы давно пустуют.
- У нас больше нет гусаров в красивых ментиках, усатых уланов и императорской лейб-гвардии.
- Зато остались полковые храмы.
- Это, как волшебный сон. Потом он забывается, но помнишь, что тебе было хорошо.

В воздухе пахнет свежей смолистой хвоей от вороха привезённых рубленых еловых веток. Парк готовят к зиме, на клумбах укрывают коротко стриженные кустики роз. Привезли и сколоченные из досок домики для мраморных статуй. У обнажённых фигур не зябнут ноги, но их всё равно скоро закроют и защитят от холода и снега. После этого Царско-сельский парк изменится и станет похож на закрытую книгу.

Мы намеренно выбираем для своих маршрутов неубранные от листьев аллеи. Здесь их можно собрать целую охапку,

и устроить для себя фейерверк. Из этого у нас ничего не получается. Листья сегодня мокрые и тяжёлые, от них исходит горьковатый запах тлена...

– Как здесь тихо сегодня. Только шорох листьев под ногами...

– Сюда ещё не приехали автобусы с туристами из Китая. Интересно, какие чувства они испытывают, увидев в этом парке царские фантазии в китайском стиле?

– Наверное, гордость за величие своей национальной культуры.

– Для меня это, каждый раз, как испытание на преданность своему городу. Туристы из Поднебесной подобны большой воде, регулярно затопляющей невские берега.

– Они наши гости...

– Конечно, гости, но мне хочется иногда приезжать сюда, чтобы слушать в парках тишину и читать на этих дворцовых стенах свою историю.

– Какое ровное серое небо сегодня...

– Будто до самых краёв заполненный стакан.

– Октябрьский коктейль осени...

– Его красиво разбавляет золото и багрянец листвы. Мне сейчас кажется, что здесь каждое дерево находится на своём месте. словно это большая, тщательно выписанная умелой кистью мастера картина.

– Хорошее сравнение. Дворцовый садовник действительно похож на прилежного художника, который день за днём

рисовал здесь огромное полотно. Он видел его в своей голове завершённым, наполненным красками каждого времени года.

– Только картина у него самая необычная. На ней всё настоящее: беседки, деревья и цветы, а птицы и белки без страха кормятся из рук.

– Без этих дворцов, павильонов, каналов и мостов парки были бы совсем другими. Потом всё это связано с долгой человеческой историей.

– Получается немного грустная картина. Изысканный мир, населённый теньями из прошлого.

– Раньше здесь было много праздников и интересных событий. Просто всё это когда-нибудь заканчивается. Как времена года...

– Неужели, всё? Почему ты улыбаешься?

– Потому что мы сейчас думаем об одном и том же. Это точно, не про нас. Мы с тобой – всегда совсем другие. Скажи, Царское Село для тебя, это что?

– У нас с ним многое связано. Каждый раз вспоминаешь что-нибудь хорошее. Потом здесь можно отключаться и ни о чём не думать.

– Разве этого мало? Получается, что у нас с тобой в Царском-Сельском парке есть своя собственная история, которую мы каждый раз вспоминаем и придумываем новую.

– Хочется не повторяться. Если сильно захотеть, то всегда можно увидеть необычное. Давай закроем глаза и пред-

ставим себе что-нибудь, а теперь откроем. Что ты заметил в конце аллеи?

– Ничего...

– А я видела.

– Что ты видела?

– Не скажу. Ты опять будешь смеяться.

– Хорошо, можешь сейчас ничего не говорить. Всё равно когда-нибудь не удержишься и сама расскажешь. Я же так не умею.

– Ладно, скажу. Это был один молодой человек в мундире лицеиста...

– И в руках он, конечно, держал ветку сирени.

Мы оба смеёмся...

– Мне здесь сегодня что-то напомнило Тригорское.

– Что-то? Наверное, эти белые скамейки...

– Куда пойдём сегодня? Арсенал?

– Нет...

– Тогда Шапель, к нашему старому дубу?

– Пожалуй, да. Только нашего дуба больше нет. Ещё летом его сломала буря. Говорят, что в Палестине недавно упал такой древний дуб, и люди посчитали это началом конца света.

– Наш дуб тоже очень жалко. Словно теряешь близкого тебе человека.

Потом с нами что-то происходит, и мы долго идём молча. Пауза становится мучительным испытанием. Так мы медленно обходим весь парк...

Незаметно для себя, оказываемся возле круглой беседки у павильона Концертного зала. Это самая любопытная постройка Джакомо Кваренги, которая создавалась «руиной», с трещинами и битой обнажённой кладкой. Сюда добавили привезённые из Италии мраморные элементы исторического декора. Здесь это буднично называлось «Кухней», хотя по виду больше напоминало италийский погребальный склеп. Причудливая забава стареющей русской императрицы. Мы берёмся за руки и обходим его вокруг. Почти сразу сталкиваемся с обезглавленной фигурой римского консула. Это не акт вандализма по отношению к высшему государственному лицу. Консулы в Риме избирались сроком всего на один год, и здесь ему просто меняли голову. Такой непривычный для нас пример вдумчивого европейского прагматизма. В Царскосельском парке консула можно было оставить без головы. Мы посмотрели на его укороченную мраморную фигуру и стали думать, на кого он таким сегодня похож...

Нам захотелось заглянуть внутрь этого чудного павильона. Дальше не было никакой тайны. За его дверью сидел толстый охранник и пил чай с бутербродами. Уютно устроиться можно даже в могильном склепе...

Темнота опустилась быстро, потом пошёл сильный дождь. На лобовом автомобильном стекле потоки воды из жидкого цвета фонарей. Дворники с трудом двигались в своем синхронном танце. Чем дальше вперед, тем больше яркого света. Он ударил нам в глаза ослепительной вспышкой, звуком

автомобильного сигнала вонзился в уши. На вантовом мосту колёса внезапно оторвались от земли, и мы как бабочки снова полетели к свету...

Подснежники февраля

Они встретились в метро на «Садовой», где собирались ехать в разные стороны. Неизвестно, кто из них тогда увидел друг друга первым, что испытал при этом. Теперь он не отпускал её руки. Ему казалось, что если сделает это, она снова исчезнет. Во всём остальном они не отличались от окружающих. Так же, как все, обменивались ничего незначащими фразами. Правду за них говорили глаза. Ведь они не виделись пять лет...

– Не исчезай, любимая...

– Конечно, он ждал этой встречи.

– Она по-прежнему любит меня...

– У него появились новые морщины возле глаз. Наверное, опять много работал за компьютером.

– Кажется, она стала по-другому красить свои волосы.

– Ему идёт эта борода, новый образ...

– Нет, она совсем не изменилась...

Наверное, их глаза тоже немного лгали, потому что они оба успели за это время постареть и прекрасно знали об этом. Другое дело, что их любовь многого не замечала, ей просто не было до этого никакого дела. Тогда у них случилась странная размолвка. Господи, у кого в жизни этого не бывает? Её причину сейчас даже трудно вспомнить. Кажется, она немного задела его самолюбие. Так ли это важно бы-

ло теперь? Люди всегда умели объясняться и прощать друг другу. Она решила для себя, что позвонить первым должен обязательно он. Она вообще никогда не звонила ему первой, и это было одним из её многих жизненных правил, через которые никогда не переступала. Он тогда ей не позвонил. Может, не считал её правой? Потом обида легко забылась, но к тому времени прошла уже целая неделя. Звонить становилось неловко, как он ей объяснит? Каждый день он придумывал себе веские причины и обстоятельства, потом сам же отвечал себе за неё и вся сооруженная им конструкция, сразу разваливалась. Для начала разговора ему опять был нужен какой-то повод. День шёл за днём, возобновлять общение становилось труднее. В общем, он ей тогда больше не позвонил.

С тех пор они совсем перестали видеться. В большом городе такое сделать не трудно. Люди в мегаполисе легко растворялись среди улиц и терялись каждый день. Теперь они сидели рядом в кафе, а мимо них за стеклянной стеной куда-то деловито спешили незнакомые им люди. Они нечего не теряли, никого не искали и твёрдо знали, куда сегодня следовало дальше идти. Он и она никогда не были уверены в себе, часто ошибались и путались. Он по-прежнему держал в руках её ладонь, она была мягкой и послушной ему. Так им было лучше, и это сейчас оказалось единственным, что они оба знали наверняка.

– Знаешь, всё это время я продолжала говорить с тобой.

Даже написала тебе одно очень длинное письмо, которое потом так и не отправила.

– Почему ты просто не позвонила мне?

– Я не была уверена, что нужна тебе.

– Мы же всегда любили друг друга.

– И при этом могли расстаться и легко всё потерять.

Он хотел спросить, как она жила без него все эти годы, но не сделал этого. Такого не спрашивают, это было нужно чувствовать самому. Он вздохнул и повернулся к официанту: «Нам, пожалуйста, два «американо». Нет, спасибо, больше ничего не нужно».

– Теперь ты сам можешь прочитать моё послание. Называй его, как хочешь, дневником или продолжением нашего диалога. С ним мне казалось, что расставания не было.

Она положила перед ним листы бумаги, исписанные её мелким красивым почерком. Его внезапно охватило волнение, словно он вторгнулся в чужую тайну, но здесь в каждой строчке говорили только с ним. Значит, это было продолжением их мысленного разговора, который он всегда вёл с ней на страницах своих книг. Каждый раз это было посвящением любимому человеку.

«...Я давно хотела поговорить с тобой, но у нас всё неожиданно и странно оборвалось, так и не начавшись, по-настоящему. Ты, в хорошем смысле слова, невольно спровоцировал меня на этот разговор своим новым опубликованным рассказом. Мы оба любим читать и писать. Сейчас, «прочитав

тебя», мне захотелось написать, ответить тебе. Только начав читать «Рождествено», про старую дворянскую усадьбу и её парк, сразу же попала под обаяние первого абзаца, точнее, под обезоруживающее обращение: «Свой родной, дорогой человек»... Неспешный разговор между близкими людьми о счастье... «Так не бывает»... «Бывает, один раз в тысячу лет»... Я совсем не уверена, что всё это мне следовало принимать на себя в буквальном смысле. Это же литературное произведение, но я почувствовала своей каждую написанную там строчку. Потому что раньше у тебя никогда не было таких важных для меня слов. Появились совсем другие интонации и рада, что смогла дополнить твою жизнь, которая и без меня всегда была наполнена событиями, чувствами и творчеством. Нет, всё это ты здесь говорил именно мне. Оттого на душе становилось тепло и уютно, хотя и немного грустно. Слишком многое в жизни уже было пройдено без тебя.

Теперь ощущение времени до и после встречи с тобой всегда держит меня в состоянии дрожащей, натянутой струны. Речь идёт уже не о нашей с тобой прошлой жизни, для меня это совсем другие этажи отношений. Там везде находятся родные и близкие люди: родители, дети и внуки. Но для нас есть и другая своя система измерений: «я» и «ты», «мужчина» и «женщина». У меня в жизни нет, и никогда не было такого другого человека.

В чём твоё ощущение счастья? Деревянный дощатый стол

в осеннем парке, вкусный, настоящий на травах чай, тепло руки и желание, чтобы всё это продлилось вечно. Я всё это могу сказать и про себя. Нет, это совсем не сентиментальность, а любовь, ради которой стоит жить и испытать, как поёт о ней бард и художник Александр Тимофеев: «Ещё бы чуть-чуть и оставил сей мир, так и не узнав, что бывает такое». Вот, я снова пишу о себе. Такой внутренний диалог с тобой идёт у меня, почти не прерываясь. Наверное, ты услышал его именно здесь, в этой старой дворянской усадьбе. Сколько ещё их было на нашем пути прежде? Там тоже жили какие-то люди, страдали, мечтали и любили. Всё это происходило не в замкнутых стенах квартир и узких городских переулках, а на этом вольном просторе, среди лесов, полей и рек. Здесь было другое небо, воздух и отношения у людей тоже получались другими, сильнее и чище. Я шла и говорила во весь голос: «Я люблю тебя больше природы». Это звучало как заклинание, потому что больше и сильнее любить уже нельзя.

...Помню, как ты на мгновение остановился, посмотрел мне в глаза и ушёл в лесную пещеру. Было бы странным, если не сделал этого. Тебе же нужно везде и всегда всё почувствовать на себе. Я не пошла следом, а просто позвала тебя. Пещера не отвечала, и тогда мне стало по-настоящему страшно. Потом ты снова вышел на свет и рассказал миф про Орфея и его возлюбленную нимфу Эвридику.

...А ещё вспомнила, как мы с тобой вдвоём смотрели в

тёмном пустом кинозале «Солярис» Андрея Тарковского. Это было поздней осенью, в старом пансионате, где мы остановились всего на одну ночь. Ты тогда закутал меня в плед, а в это время Хари умирала на экране каждый раз, когда не видела рядом с собой Криса. Потому что она всегда оставалась его совестью и любовью одновременно. Разве от этого можно освободиться, если было в тебе? «Человеку нужен человек, а не далёкие миры», – сказал тогда ты. Мы оба любили этот фильм, и ты решил устроить этот праздник для меня. Нет, я совсем не Хари, но тоже отвечала за ту часть памяти, которая связана с тобой. Для этого мне не нужно было ничего запоминать. Спроси меня про любой наш день, и я расскажу тебе о нём всё.

Может у меня сейчас родился новый рассказ. Тогда пусть кто-нибудь прочитает его как интересную историю любви, другой увидит в нём любопытные мысли и размышления, а кто-то и сам задумается о своих чувствах. Любовь, она у каждого своя и неповторима.

Тебе всё ещё нужен ответ, куда у меня уходит всё второстепенное, когда ты рядом? А ещё главное, почему это так происходит? Но я не сказала тебе и сотой доли того, что чувствовала. Не знаю, каким будет завтра, потому что мне сейчас ценна не сама жизнь, а та её часть, в которой мы были вместе. Пусть этот мир немного подождёт, пока мы будем гулять в парке старой усадьбы, где золотыми фонтанами взрывается сумасшедшая осень»...

Он оторвался от чтения письма и с ужасом подумал, что никогда не помнил в их отношениях таких подробностей и деталей. Теперь получалось, что без них жизнь больше не складывалась: оставалась только голая последовательность, череда случайных событий без души, дерево без листьев. Неужели так можно было упустить самое важное? Это ему, «признанному литературному знатоку тонких человеческих отношений». Наверное, разводить здесь sentiment и излишнюю чувствительность всё же не следовало. Главное, что они опять были вместе. Теперь он обязательно будет внимательнее и постарается что-то исправить в их отношениях.

Как хорошо гулять в эту февральскую пору за городом! Морозы всю зиму обходили эти места стороной. Чёрной змейкой струилась нескованная льдом лесная безымянная речка, рядом пугливо прыгали по веткам надутые розовато – красные снегири. Он улыбнулся и сказал, что по такому сезону здесь можно поискать подснежники. «Я покажу тебе их сегодня, – рассмеялась она. – Они уже расцвели возле моего дома». Вот так. Клумбы, цветочки – подснежники. Казалось, что здесь тоже была случайная мелкая деталь, чьё-то шутовское рукотворное чудо, но с него начиналась весна и их новая жизнь. Им обоим очень хотелось этого...

Спи, моя крошка...

– Будем ложиться спать, внученька, переворачивайся на животик, я тебе сейчас на спинке «паровозик» сделаю:

Рельсы, рельсы. Шпалы, шпалы.

Едет поезд запоздалый.

Из последнего окошка вдруг посыпались горошки.

Вышли куры поклевали. Вышли гуси пощипали...

– Дедушка, у тебя борода, как зима в этом году: тут белая, а там чёрная...

– Ничего, деточка. Скоро холода пройдут, и зима кончится. Опять наступит весна, снег растает, и только моя борода останется такой же «зимней». У меня и жизнь была похожа на неё, чёрно-белая, как верстовой столб...

– Ты не расстраивайся, дедушка, мы для тебя тоже что-нибудь придумаем.

– А может, не надо ничего придумывать? Это дело среди людей известное. Зима к ним долго – долго собирается, а потом приходит и остаётся навсегда. Ты знаешь, эта борода у меня немножко волшебная. С её помощью я делаю разные чудеса и рассказываю интересные сказки.

– Ты что, как старик Хоттабыч выдёргиваешь из неё волоски?

– Нет, у меня тогда давно бы остался голый подбородок.

К старости люди успевают многому научиться. В общем, тут борода уже не самое главное.

– Значит, я тоже смогу стать настоящей волшебной феей?

– Конечно, обязательно.

– А долго придётся ждать?

– Вначале тебе нужно стать по-настоящему взрослой. Тогда когда-нибудь с тобой произойдёт очень важное, у тебя появится свой собственный ребёнок, мальчик или девочка.

– Это про «baby born»?

– Нет, у тебя будет настоящий живой ребёнок, и ты непременно захочешь видеть его счастливым. Если для этого понадобится чудо, ты обязательно сделаешь его. Знаешь, для чудес совсем не обязательно искать в декабре подснежники или строить замок.

– Наверное, очень трудно сделать кого-то счастливым.

– Да, но вначале ребёнку для этого достаточно даже мамы.

– Эх, бабушка – бабушка, у меня сейчас одни сплошные неприятности, и все они случились в один день.

– Значит, тебе осталось только дождаться, когда он закончится. Кто знает, может дальше жизнь будет счастливая...

– Хорошо бы, только не очень верится, бабушка. У тебя все сказки хорошо заканчиваются, а так не бывает.

– Думаешь? Твоя жизнь только начинается, а утро вечера мудренее. Поверь, всё перемелется, и завтра огорчения покажутся совсем маленькими. Во-первых, они были вчера, а во-вторых, у тебя впереди замечательный день.

Спи, моя крошка. Так, что тут дальше написано? Господи, и здесь все нас топчут. Не жизнь, а какой-то зоопарк...

Вышел слон. Потоптал. Прошла слониха. Потоптала.
Прошёл маленький слонёнок, потоптал.
Пришёл дворник всё подмёл.
Пришёл директор зоопарка...

Ну, вот, уснула моя крошка. Посмотрим, что будет завтра...

Старые вещи

Хорошо коротать вечера в усадьбе Приютино после долгой зимней прогулки в парке. В такую пору темнеет рано. Едва гости отобедают, и уже начинается длинный вечер. Сумерки скроют за окнами современный городской ландшафт с убогими постройками и шумную, оживлённую автостраду. Мир за окнами кирпичной усадьбы сужается до его сохранившейся исторической части. Немного воображения и можно почувствовать себя в XIX веке. Скрипят под ногами ступеньки деревянной лестницы, хлопая, разговаривают двери комнат, в которых давно уже никто не живёт. Приютино, быт дворянского поместья ушедшего времени, мир заботы и любви, для соединённых небесами сердец. Как часто нам будет этого не хватать в жизни.

Старый дом дышит тяжело и вздыхает. Прожитые годы и лихолетья давят на него тяжёлым грузом, паутиной коварных трещин движутся по стенам. Теперь он, как Фирс из «Вишнёвого сада», в суете забытый уехавшими хозяевами. Старый слуга ложится и ждёт, что за ним придут. Он символ уходящего времени со всеми его недостатками и добродетелями. Жизнь прошла...

В усадьбе отапливают не все комнаты, и мы перебираемся на её тёплую половину. В нашей компании главная хранительница музея Нина Антонова, научные сотрудники и её

близкие друзья, люди свободных творческих профессий, которых и спустя более двести лет тянет в усадьбу семьи Олениных погреться у чужого очага, снова поймать искру божью для своих занятий. Общение в таком кругу происходит непринуждённо, без вынужденных мучительных пауз. Оно движется мягкими волнами и, растекаясь, наполняет наши сердца.

За чаем разговор зашёл о редких экспонатах, которые находились в комнатах музея-усадьбы, воспроизводивших интерьеры помещного дворянского быта первой половины XIX века. Внимание гостей привлёк золочёный бронзовый бюст Петра I. Кто-то из присутствовавших гостей увидел в нём копию работы обрусевшего немца, известного ваятеля К. А. Тона, создателя русско-византийского стиля храмового зодчества. При этом ссылались на имеющиеся сведения из известного печатного источника. Мнения разделились, нашлись те, кто считал данные этого источника ошибочными. Точным было только то, что этот бронзовый бюст долгое время находился в Бельгии и оттуда попал в какую-то частную коллекцию.

Нина Антонова, на правах хозяйки, постаралась внести ясность: «Экспонат действительно поступил к нам из коллекции частного лица ещё в 1976 году. Оригинал этого портрета был изваян неизвестным скульптором в 1718 году. Перед нами его точная копия, так же сделанная неизвестным автором, предположительно, к столетнему юбилею посеще-

ния императором городка Спа в валлонской части Бельгии. После излечения Петра I от тяжелого недуга на местном курорте, он приобрёл всемирную известность».

С Ниной никто не спорил, и слово взял сидевший в углу художник Алексей Маскальский. В течение всего вечера он не участвовал в разговоре, и только блестящие глаза говорили, что ему давно не терпелось высказаться: «Не позволю себе возразить против сказанного. Всё верно. Очень любопытный экспонат, за которым стоит цепочка интересных событий. Опять же, государь император исполнен в приличной золочёной бронзе. Жаль, что авторство работы точно не установлено. Полагаю, такая вещь имеет немалую стоимость в денежном эквиваленте. И всё же ценность старых вещей для нас возрастает в соединении с людьми, которые нам особенно дороги. Помню, как в прошлом году из Москвы приезжала младшенькая, общая любимица, Елена с дочерью Сашенькой. У нас это запросто, дом большой, просторный, да и комната её девичья всегда сохранялась в неприкосновенности. Значит, здесь этого родного человека всегда ждали. Похоже, моей дочери такое было приятно видеть. Заглянула она и в комнату своей бабушки, моей покойной матушки:

– Папа, да у тебя здесь как в музее, ничего не изменилось. Пыли, пыли-то, боже мой! Вон сколько её в углах.

– Вот ещё, скажешь! Да я её каждый день здесь мету, хожу и вытираю. Даже не знаю, откуда она потом берётся.

– И ещё, тебе не кажется, что здесь пора менять обои? А эти старые разбитые шкафы пора выбросить и купить новые.

Лена у меня человек энергичный и деятельный. Она, как маленькая птичка – синичка, никогда не сидит на одном месте. Прыг – скок, с ветки на ветку, вечно суетится, хлопочет и чистит свои перышки. А самое главное, в ней присутствует неуёмное желание вить своё гнездо. Дочка у меня из себя видная, а теперь даже ещё краше стала. В ней с годами проявилось женское достоинство, какой-то особый запрос на своё место в жизни. Судьба её тоже была, но она не сломалась и жестче не стала. Странно, но это ещё больше притягивало окружающих мужчин. Если честно, то она и в этом вся в свою покойную бабушку, учительницу. За ней мужчины до глубокой старости пытались ухаживать, только она себя высоко держала. Дочка и лицом, и характером бойким на неё похожа.

Отпуск – отпуском, а дело – делом. Работа у Елены закипела, моет, чистит. Едва успевал отшучиваться, что у творческого человека беспорядок – дело обыкновенное. Бросился защищать бумажный хаос на своём рабочем столе, уверяя, что он помогает моему творческому мышлению. Если честно, то мне вообще нет никакого дела до того, что творится вокруг, когда работаю. Навела она в доме порядок, даже уютней стало. Только смотрю, что со старого бабушкиного трюмо исчезли её деревянные коробочки, разные фигурки, деревянные доски с лубочными рисунками. Понятно, спра-

шиваю про них у неё. Елена мне спокойно отвечает: «Папа, о чём ты говоришь? Они же все старые, только пыль на себя собирают. В магазине такие вещи ничего не стоят. Я их сюда, в коридоре сложила, посмотри. Всё это теперь можно выбросить».

Спорить с Еленой не стал. Просто собрал все эти вещи и убрал в ящик своего стола. Дочери сказал, что у него другое отношение к старым вещам своей матери. Елена немного обиделась, видно чего-то не поняла. У неё в жизни другой принцип, как в старой японской пословице: прошлого у нас нет, а будущее может не наступить. Нужно жить настоящим. Может быть, так действительно на свете жить легче. Только не забыть, что уже завтра твоё настоящее тоже станет прошлым. Ну, да ладно, среди близких людей размолвок долгих не бывает. Разговор у нас на другую тему ушёл, а о произошедшем случае, мы больше не вспоминали.

Подошла ночь, Елена уложила дочку в своей комнате, а сама легла спать у бабушки. Захотелось почувствовать себя на месте настоящей хозяйки дома. Ей там всё с детства знакомо, от фотографий на стене до старых детских игрушек, с которыми моя матушка всю жизнь не расставалась. Утром на работу уехал, а часа через три у меня в мастерской дочка появилась:

– Ты прости меня, папа. Наверное, я что-то не так сделала. Всю ночь мне на бабушкином диване кошмары снились. Видела я бабушку, как тебя сейчас, возле старого зеркала.

Потом кошка чёрная её появилась, был ещё и кто-то третий, тоже чёрный, только не знаю, кто это был. Мне даже почудилось, что все они из этого старого зеркала вышли. Проснулась посреди ночи, так мне страшно стало, что глаза открыть боялась. Потом не удержалась всё же, глянула. В комнате никого, только в зеркале, вроде, движение какое-то было. Пап, а пап, мы же с тобой взрослые люди, неужели мёртвые могут к нам приходиться?

Выслушал её совершенно серьёзно, не перебивая, и говорю:

– Успокойся, дочка. Умершие люди по земле не ходят, они на кладбище лежат. Даже если представить, что физическая смерть не означает полного исчезновения человека, то это совсем не так происходит. Если тебе здесь спать некомфортно, то положи сюда на следующую ночь Сашеньку, а сама иди спать в свою комнату.

– Что ты, папа! Разве я после этого смогу положить сюда ребёнка?

– Ничего там с нашей Сашенькой не случится. Она никогда не видела твою бабушку, и такой связи с ней у неё нет. Людей во сне иногда посещают души умерших, чаще всего, чтобы напомнить о себе или предупредить нас о чём-то. Они появляются не из зеркал и приходят не к дивану, а к конкретному человеку. Может она хотела просить у тебя прощения или ждала этого от тебя? Подумай, вот тебе сердце и подскажет. А зеркала, отражения разные в воде – всё это

пустое, от лукавого...

Помни, непростая у тебя была бабушка, Леночка. Лекарства она никогда не пила, лечилась только травами, которые сама собирала. Кстати, никогда не болела, ни одного дня больничного за всю свою долгую жизнь не взяла. Только в последний год перед смертью в больнице побывала. Умерла она здесь, дома, под самое утро, на Рождество. Тихо и спокойно простилась со всеми и ушла, уснула и не проснулась. А нас с тобой она очень любила.

У меня через такие старые вещи происходит соединение с родителями, иногда даже мысленно разговариваю с ними. Думаю, что в таких вещах заложена какая-то информация, и она в этот момент перетекает к нам. Прости, но чтобы такое почувствовать, нужно больше прожить. Тебе нужно время. Кто знает, может она сейчас на нас с тобой смотрит, слушает и радуется.

В общем, тогда показалось, что мы с дочерью друг друга неплохо поняли. Признаюсь, что люблю вещи из прошлой жизни. Среди них мне всегда душевно комфортно и лучше думается. Я не говорю про коллекционирование, совсем нет. Есть ещё на земле чудные старинные храмы, дома с длинной историей. Мне так много нужно в жизни, что всё это не поместится ни в никакие самые лучшие хранилища и заповедники. Ради этого каждый год бросаю благополучную городскую жизнь и еду по разбитым дорогам в самую глушь.

Буду снова приезжать сюда, в усадьбу Приютино. Пото-

му что здесь тоже всегда оживает прошлое. Нигде в музеях более не чувствую столько нежности и тепла, не слышу таких рассказов о человеческой добродетели, оживляющих через столетия знакомые поэтические строки, музыку и голоса. Не хочу прерывать для себя эту удивительную ниточку, связь. Она делает нас немного мудрее, чище и лучше. Иногда просто думаю, что так нам даётся ещё один шанс оставаться людьми»...

После этого все долго молчали и слушали ночные шорохи давно уснувшего старого дома...

Парк советского периода

Мне ли, слабой женщине, объяснять тебе, такому умному, что делается сейчас с жизнью вообще, с человеческой жизнью в России, и почему рушатся семьи, в том числе твоя и моя? Ах, как будто дело в людях, в сходстве и несходстве характеров, в любви и нелюбви. Всё производное, налаженное, всё относящееся к обиходу, человеческому гнезду и порядку, всё это пошло прахом вместе с переворотом всего общества и его переустройством...

Борис Пастернак «Доктор Живаго»

У вас не возникало желания прикоснуться к прошлому? Когда-то, в начале XX века, возле дома заводчика Струка в Петербурге был парк. Его уже давно вырубili, осталось несколько старых дубовых деревьев, а соловьи всё равно прилетают туда каждый год и поют. Потому что это было им передано и теперь стало частью их самих.

Много лет наша память бережно сохраняет страницы прошлого. Иногда хочется снова ощутить брожение молодой крови в венах, толкающей на сумасбродные и необъяснимые поступки. Задерживаться там не стоит, чтобы не повторить многих ошибок юности, за которые уже было мучительно больно. А может, всё обстоит совсем иначе? У нас есть книги, которые мы перечитываем всю жизнь, каждый раз откры-

вая для себя что-то новое и важное. Они всегда оставались прежними. Это мы менялись, становились старше, в чём-то опытнее и мудрее. Наверное, нам хотелось дойти до самой сути, но уже не книг, а самой жизни, вообще.

Недавно, мне снова довелось посетить известный ленинский мемориальный комплекс под Сестрорецком, называемый в местном обиходе, «Шалаш». Оказаться свидетелем событий перевернувших ход истории теперь несложно. Современному человеку туда можно ехать «первым классом» и без малейшего страха за свою судьбу. Поездку удобно соединять с весенним праздником труда. Кто-то из ценителей прошлого позволит себе в этот день выпить на природе рюмку хорошего коньяка и поцеловать вождя мирового пролетариата в холодный каменный лоб.

У этих мест есть своя особая история. На Карельском перешейке, в тридцати километрах от Петербурга, во времена Петра I для нужд оружейного завода на реке Сестра была построена плотина. Так появилось рукотворное озеро «Сестрорецкий Разлив». Вскоре на этом месте основали бальнеогрязевой курорт, который стал излюбленным местом отдыха для петербуржцев.

У переезда в Тарховке с дороги хорошо видны внушительные красные гранитные блоки со словом «Ленин», похожие на склонённые траурные знамёна. Под ними бронзовый памятник, знакомая сидящая фигура вождя: «Ленин в Разливе». При всей кажущейся внешней статичности композиции

в ней скрыта внутренняя энергия. Достаточно посмотреть на могучий лоб изваянного вождя и стремительные складки наброшенного на его плечи пальто, похожие на сложенные за спиной крылья. Можно представить, что до решающего взлёта ему осталось совсем немного времени. В шалаше Ленин работал над своей знаменитой брошюрой «Государство и революция», в которой развил учение марксизма о государстве и определил задачи пролетариата в грядущей социалистической революции.

Так в нашу жизнь на многие десятилетия вошёл этот «сидячий памятник». Напрасно герой актера Савелия Крамарова в фильме «Джентльмены удачи» впоследствии удивленно восклицал: «Вот чудак-человек, кто ж его посадит?! Он же памятник!» Действительно, людей во все времена у нас сажали значительно чаще. Отсюда по дороге вдоль Сестрорецкого Разлива можно приехать к ленинскому шалашу. Теперь это часто называют «маршрутом красного туризма», подчеркивая его необычность для нашего сегодняшнего времени. Сюда можно ещё добавить две оставшиеся из двенадцати существовавших ранее ленинских мемориальных квартир в Петербурге. Мысленно представляю это последним островком социализма, в котором прошла большая часть активной жизни. Людям моего поколения легко чувствовать себя эмигрантами в собственной стране, из которой никуда не уезжали. Однажды, она большим кораблем двинулась новым курсом, теряя своих пассажиров и спасательные средства...

Недоступная лесная часть Сестрорецкого Разлива с легендарной стоянкой Ильича, куда прежде можно было добраться только на лодке, теперь благоустроена, оборудована асфальтированным шоссе, удобными пешеходными и велосипедными дорожками. У парковочной площадки разместился одноименный ресторан «Шалаш» со скучающим от безделья персоналом. Куда ни глянь, везде на деревьях домики для птиц, любовно сделанные руками местных школьников. Они уже приняли новых шумных жильцов. Вместе с пришедшим теплом сюда зачастили любители отдыха на природе. Совсем скоро появятся желающие позагорать на местных пляжах, владельцы байдарок и гидроциклов. Кому-то просто захочется наслаждаться прекрасными видами с пристани.

Времена, когда культовый мемориал ежегодно посещали правительственные делегации, сотни тысяч туристов, пионеры и школьники, остались в далёком прошлом. Теперь благополучие музея поддерживается туристами из Китая. У них сохраняется ностальгическая тяга к ленинским местам и общим социалистическим корням. Бесплатные буклеты на музейных стойках теперь можно прочитать только на китайском языке.

Образ Ильича давно не икона. Сотрудники музея постарались окончательно освободить его от мифов прошлой эпохи. Во время прогулки к мемориалу можно познакомиться с двумя интересными работами советского скульптора 1920-х годов Матвея Харламова, ранее стоявшие в Ленинграде на

территории промышленных предприятий «Красный выбор-жец» и «Невский завод точных электромеханических приборов». После демонтажа эти памятники нашли свой последний приют в местном лесопарке. Они мало похожи на все последующие канонические изображения вождя, в которые непременно закладывались черты исторической фигуры мирового масштаба. Сказалось, что это были первые памятники, установленные в нашем городе ещё в 1926 году. Говорят, что их создатель, Матвей Харламов дважды видел Ленина, а в день смерти у гроба лепил его портрет. В итоге у скульптора получился правдивый, «очеловеченный» облик незнакомого нам Ильича.

Возможно, что нашим потомкам будет интересно изучать историю вождя без прежнего трепета, но место для памятника у Невского завода на проспекте Обуховской Обороны, раньше было выбрано неслучайно. Там Владимир Ильич Ленин руководил нелегальным марксистским кружком, написал свою первую листовку, посвящённую задержкам заработной платы, а его жена Надежда Константиновна Крупская работала преподавателем воскресной школы заводских рабочих. На лесных полянах динамичные фигуры вождя выглядели необычно и больше походили на осуждённых политических ссыльных. Они словно приглашали посетителей музея поучаствовать в этом театре абсурда. Начатое представление здесь не заканчивалось. Неподаляку от шалаша можно было увидеть огромный бюст Ленина из Большого

концертного зала «Октябрьский», где в прежние времена проводились городские партийные конференции. Его тоже за ненадобностью привезли сюда. Теперь огромный белый бюст вождя вырастал на поляне подобно сказочной Голове из поэмы А. С. Пушкина «Руслан и Людмила»:

Достоин плача жребий мой.
И я был витязь удалой!

Говорят, что статистика в СССР знала всё: количество охотников, балерин, дворников, маяков и швейных машинок. Единственное, чего она не знала, по Ильфу и Петрову, сколько было стульев в стране. Другая неподвластная статистике сфера – памятники Ильичу. Они проникали в самые отдаленные уголки Страны Советов. Что же тогда говорить о нашем городе, носившем имя Ленина? На «Красном выборжце», только в 1924–1927 годы было создано больше сотни скульптур и бюстов вождей революции. В основном это были изображения Владимира Ильича. Кроме того, здесь отливали бронзовые скульптуры Плеханова, Свердлова, Володарского. Именно тогда на заводе по распоряжению правительства было создано специальное отделение художественного литья. Работу его мастеров теперь можно наблюдать у моста Володарского, Финляндского вокзала, Технологического института.

Сейчас сотрудники музея ожидают нового пополнения

своей коллекции в первую очередь за счёт умерших городских промышленных предприятий, у которых имеются свои памятники. Они тоже могут оказаться в компании политических фигур переживших свою эпоху, хотя и далеко не все. У стадиона «Газпром Арена» на Крестовском острове остался памятник Кирову – прежний спортивный комплекс носил его имя. А на Шпалерной улице, ближе к Смольному, возвышается в полный рост «Железный Феликс». Остаётся рассчитывать на появление в парке девушки с веслом или пионеров с горнами и барабанами.

Пройдёт ещё немного времени, и наши внуки перестанут узнавать революционных вождей. Они всё больше превращаются в объект исторического исследования для специалистов. Правда, за последнее время отмечают некоторый интерес антикварных салонов к изображениям генералиссимуса Иосифа Сталина. Спрос всегда рождает предложение, хотя многие видят за этим определенный политический заказ. Поступила же недавно в городские библиотеки биография Владимира Ленина... в комиксах...

Представьте, что на нашем абразивном заводе молодые рабочие недавно обнаружили старый бюст, исполненный из производственной керамики, но не смогли распознать в нём заложенный образ. Довелось его увидеть и мне. Сразу узнал первого секретаря Ленинградского обкома партии Сергея Мироновича Кирова. Черты героев революции безошибочно и надёжно зафиксировались в моей памяти, подобно взя-

тым в органах отпечаткам пальцев. По этому поводу великий комбинатор Остап Бендер непременно вспомнил бы про «угар НЭПа и отсутствие энтузиазма».

Добираюсь до главной цели своего путешествия – лесной поляны, на которой расположен гранитный монумент «Шалаш» и макет исторического шалаша для косарей, где укрывались Ленин со своим соратником Григорием Зиновьевым, а также музейный павильон с основной экспозицией. От посетителей его теперь отделяет надёжный и прочный забор. Всю дорогу незащищённое лицо и руки нещадно едят злые комары.

Пришёл к выводу, что в музее сумели посмотреть на ленинскую тему под новым углом зрения, интересным сегодняшнему посетителю. Эта программа гораздо шире мемориала о нескольких днях из жизни вождя мирового пролетариата. Можно вспомнить, что до недавнего времени, бережное отношение к ленинской теме вызывало столь резкий контраст с реальностью, что приводило к регулярным поджогам макета шалаша и другим актам вандализма. Теперь в ночь музеев вам здесь могут повязать настоящий красный галстук, повторяя этим известный ритуал приёма в пионеры.

После падения монархии в России политические изгнанники получили возможность вернуться на родину, но теперь их от неё отделяли территории воюющих государств. На обновлённых стендах музея решил разыскать немецкий шпионский след в деятельности профессионального революцио-

нера Ульянова-Ленина. У него за плечами длительная эмиграция, жизнь нелегала под чужими фамилиями, с чужими паспортами, конспиративные квартиры, пароли и явки. Вспомним, что обвинения в шпионаже в пользу иностранных разведок скоро стали одним из способов внутривосточной политической борьбы и основанием для жесточайших репрессий в отношении многих советских граждан.

Похоже, новых разоблачительных документов по этому вопросу за последнее столетие так и не появилось. Была телеграмма Кайзеру Вильгельму II от 11 апреля 1917 года, в которой Рейхсканцлер фон Бетман-Гольвег докладывал об установлении связей с находившимися в Швейцарии политическими изгнанниками из России с целью их возвращения на родину через территорию Германии. Этот факт тогда не рекомендовалось освещать в открытой прессе. Эмигрантам было предложено выступить в России за то, чтобы интернированные немецкие гражданские пленные и насильно увезённые из Восточной Пруссии лица также были отпущены. Взамен немцы со своей стороны обещали не чинить препятствия русским эмигрантам при их проезде из Швейцарии через Германию. В общем, в этом не было ничего странного, обычно практикуемый обмен интернированными гражданами в период войны. Выход искали сами эмигранты и представлявшие их интересы стороны, но повод для слухов был дан. Другое дело, что для понимания этого, нужно многое прочесть, а не ограничивать себя знакомством с броскими

заголовками.

Более интересным показалось письмо военного атташе в Берне майора фон Бисмарка посланнику барону фон Ромбергу от 12 апреля 1917 года, содержавшего обстоятельный отчёт тайного агента об отъезде Ленина с небольшой группой русских революционеров из Швейцарии и обстановке на вокзале в момент их проводов. Автор записок выражал сомнения по поводу требования от русских политических эмигрантов честного слова, что они будут бороться за мир: «Люди, правильно отобранные, станут делать это и так, но благодаря такому обязательству обвинение в шпионаже будет представляться правомерным».

Германские агенты, безусловно, были наблюдательными людьми, не лишёнными некоторого литературного дара. Впрочем, умение ясно излагать свои мысли на бумаге было вполне естественным для образованных людей того времени.

Думаю, что сторонники и противники известной версии о связях большевиков с немецкой разведкой, вольны делать выводы сами. Можно ещё пофантазировать на тему заключённого большевиками Брестского мира и нарушения союзнических обязательств, но тогда придётся вспомнить о последовавшей за этим революции в Германии. наших соотечественников среди посетителей музея совсем немного. Одни здесь продолжают искать символы веры, другие погружаются в воспоминания, приводят сюда своих детей или внуков. Конечно, найдутся люди, которым такие занятия по-

кажутся странными, вызывающими сочувственную улыбку, как нелепые поступки героини Фаины Раневской из кинофильма «Весна»:

– Маргарита Львовна я не узнаю вас. Что вы сделали?

– Я сделала себе перманент. Я покрасилась красным стрептоцидом...

В общем, теперь каждый волен выбирать досуг по интересу, а необычным цветом волос сегодня уже никого не удивишь. Если задуматься серьёзно, то теперь между нашими поколениями пролегла целая эпоха...

Апрель – особый месяц в жизни Владимира Ильича. Дело не только в дате его рождения. 16 апреля 1917 года он возвращается в Россию, и это событие сыграет огромную роль в дальнейшей истории страны. Его встречают на перроне Финляндского вокзала восторженные массы народа. Вот он в лучах прожекторов на броневике, где замершая толпа впервые слышит долгожданные слова о мире, хлебе и земле. Ленин призывает к социалистической революции. Оттуда, на этом же броневике, он едет в особняк Матильды Кшесинской, превратившийся в штаб большевиков.

В Петрограде Ленин работает с бешеной энергией, почти каждый день выступает на митингах и партийных мероприятиях. Кажется, он понимает, что времени ему отпущено мало. За три месяца Ленин успевает написать десятки статей, брошюр и резолюций. Он почти ежедневно бывает в редакции газеты «Правда» на набережной Мойки, 32. Впервые Ле-

нин делает всё совершенно открыто. Это безусловное достижение революционного февраля 1917 года. Его авторитет в партии стремительно растёт. В напряжённом графике работы, Ленин находит время побывать на Волковском кладбище у своей недавно скончавшейся матери. Там посол Франции в России Морис Палеолог с удивлением увидит слёзы на глазах этого «жестокого и коварного, безумно гордого человека».

На картинах соцреализма подробно живописуют эту деятельность вождя, помещая его фигуру на броневик, балкон особняка балерины Кшесинской, в заводские цеха, на улицы и набережные Петрограда. Он везде доступен, в самой гуще рабочих масс, с ближайшими соратниками и без них, убеждает, доказывает и ведёт за собой. Тональность изображаемых полотен резко изменится с его переездом в Разлив. Здесь Ленин становится задумчивым и неторопливым. Появится несуществующий эпизод встречи со Сталиным. Просто, потом этого кому-то очень захочется. Встать рядом, вровень...

Июльские события 1917 года в Петрограде часто называют ключом ко всей революции. С этого момента происходит полное размежевание на её сторонников и противников. Керенский назначается верховным правителем, а Ленина объявляют вне закона, подлежащим аресту немецким шпионом.

Что же произошло за эти короткие несколько месяцев? Почему Ленину после такого триумфального возвращения

в Петроград пришлось бежать в Разлив, ставший символом большевистского подполья, а позднее, мишенью для анекдотов?

Движение разбуженных революцией масс – очень чувствительный и мало управляемый процесс. Иногда он напоминает неконтролируемое движение тяжёлого грузового состава. Он идёт, ускоряясь, становится опасным для его машинистов и окружающих. Всё рухнуло в одночасье. Наступление провалилось с треском, на фронте солдаты отказывались воевать. В Петрограде снова, и в который раз, взбунтовался воинский гарнизон. Кадеты вышли из Временного правительства, оно само оказалось на грани развала. Ситуация вылилась в стихийные демонстрации. Ведущую роль в последовавших июльских событиях сыграли анархисты, имевшие в 1917 году большое влияние – прежде всего, среди матросов Кронштадта и солдат ряда сухопутных воинских частей.

Большевики тогда приняли решение поддержать выступления демонстрантов. Для обеспечения порядка в столицу срочно прибыли войсковые части, отмобилизованные с фронта. Произошли перестрелки и столкновения с правительственными войсками. Правительство расценило эти события как попытку вооружённого захвата власти большевиками, начались аресты. В Петрограде ввели военное положение.

До самого последнего момента Ленин думал сдать власть

стям. Сдаться, чтобы потребовать гласного суда и уже там полностью доказать свою правоту. Возможно, что это ему удалось, если бы он дождался до суда. Всё остальное – история невероятного везения, остроумного ухода от слежки, конспирация на скорую руку. Если задуматься, то Ленин всё время находился на волосок от разоблачения и гибели.

В музее любопытно познакомиться со сводкой новостей из газеты «Живое слово» от 11 июля 1917 года: «По некоторым данным Ленин уехал через Лисий Нос. Местные дачники говорят, что к пристани Лисьего Носа подъехали три автомобиля. Впереди шёл грузовик с солдатами и пулемётом, затем роскошный автомобиль с двумя пассажирами... На пристани два господина вышли из автомобиля и пересели на паровой катер. Один из них, одетый моряком, был похож на Ленина».

Всё случилось иначе, по всем законам детективного жанра. Поздно вечером 22 июля Ленин, сбрив бороду и усы, надев чужие кепку и пальто, отправился на несуществующий ныне Приморский железнодорожный вокзал. Сейчас это место дома №15 по Приморскому проспекту, неподалёку от станции метро «Чёрная речка». Вместе с соратником по партии Григорием Зиновьевым Ленин выехал в Разлив. Можно с полной определенностью сказать, что с этого момента судьба страны решалась именно там. Всё в партии большевиков, а значит, и приближавшаяся революция, держалась только Лениным. С его устранением история пошла бы совсем дру-

гим путём.

Здесь рассказывали, что Ленин в сопровождении своих товарищей по партии покинул шалаш в ночь с 8 на 9 августа 1917 года. Они ушли пешком к ближайшей приграничной станции Финляндской железной дороги «Дибунь». В Петроград Ленин вернулся уже 7 октября 1917 года. До потрясшего Россию и весь мир события оставалось чуть больше двух недель. Ах, этот пьянящий запах петроградской весны и свободы! Потом всегда наступала осень и приходило время собирать её плоды...

Ещё долго бродил по музею нашей истории, мысленно сравнивая её со всеми последующими событиями и сегодняшним днём. Признаюсь, что представленные предметы быта и их настоящая подлинность на этом фоне интересовали меня менее всего. Вокруг были фотографии главных героев: членов Временного правительства, князей, генералов, лидеров либеральных партий, социалистов и большевиков. Рядом их фамилии, настоящие и вымышленные, биографии, которые часто заканчивались очень плохо.

С удивлением отметил, что не увидел там понравившихся лиц, словно они были заражены каким-то общим вирусом. Увеличенные многократно фотографии, делали их похожими на тени из прошлого. Потом долго думал над этим, почему, так? Как часто встречал в русской литературной классике отрицательных героев, но многие из них были горячо любимы мною своим страданием, пониманием того,

что с ними происходило. Окружавшие меня люди были уверены в себе, они не каялись.

Нет, я не осуждал их и принимал очередные сегодняшние перемены как неизбежное. Наверное, неспособность к их восприятию – верный признак старения любого биологического организма. Для людей моего поколения таких перемен оказалось слишком много, не все смогли их пережить. Каждый раз изменения в стране оборачивались страшным разрушением. Неужели это единственный способ выхода из общественного заблуждения? Так легко поверить во всеислие зла. Не объяснить, почему я всё чаще мысленно возвращаюсь ТУДА. Наверное, по-настоящему, ЗДЕСЬ меня никогда не было.

Никогда не любил петь с общего голоса и жить навязанными представлениями. Всё же заблуждаться на свой счёт тоже не стоит. Каждый раз задумываешься, как выглядишь со стороны, что о тебе скажут другие. Получается вечная неправда и несвобода, а душа снова промолчит...

Меня давно уже не покидает ощущение, что из моей жизни ушло что-то важное. Тогда я снова вижу палубу большого белого парохода и испытываю чувство радости, лучше которого ничего не бывает. Потому что этот белый пароход – воплощение моей давней детской мечты. Мы с матушкой плывём в Ялту и встречаем восход солнца в открытом море. Она молодая и красивая. До сих пор слышу её голос, смех, а лица не вижу. Потому что, спустя годы, матушка запомнилась мне

совсем другой. Всё это будет потом, а увиденное в тот день, больше не повторится. Белые пароходы никогда не возвращаются...

Царское Село. Забытая страница

Как часто многие жалеют о невозможности очередной поездки за границу и вспоминают красоты чужих краев! Наверное, такое неуёмное стремление понять можно. Оно обращено долгими десятилетиями железного занавеса. Признаюсь, что с некоторого времени открываю для себя всё новые потрясающие страницы истории собственной страны. Одной из них хочу поделиться со своим читателем.

Езды из Петербурга до ближайшего пригорода – города Пушкина не более часа. Привычный к метро петербуржец из окна автомобиля с удивлением увидит, сколь быстро меняется лицо города, обрастающее бетонными диаметрами скоростных участков автомобильных дорог, сверкающими стеклом и металлом высотными новостройками. Выросшую на свою полную высоту башню Лахта Центра, теперь видно из самых разных точек города.

Многим хочется сохранить город прежним, каким его знали раньше. Он давно стал частью самих петербуржцев. Похоже, что это уже не в их власти. Время неумолимо бежит дальше, а у молодого поколения слишком много других забот.

Наш крохотный легковой автомобиль кажется беззащитным в движущемся потоке между грузовыми гигантами. Автомобильная трасса вытягивается вдоль набережных Боль-

шой Невки и Невы. Выборгская сторона и Весёлый поселок, Свердловская и Октябрьская набережные...

Великое и ужасное прошлое славного города трёх революций неистребимо в народной памяти вместе легендарным крейсером Аврора, памятниками Владимиру Ленину, улицами Коллонтай и Дыбенко, Тельмана и Подвойского, пересечённых широким проспектом Большевиков. Если заглянуть дальше от набережной, то топонимика городского района продолжит недавнее советское прошлое с проспектов Наставников, Передовиков и Энтузиастов. Остаётся только заглянуть в местный «Народный универсам» и выстоять длинную «советскую очередь» за дешёвыми продуктами, чтобы вспомнить последние десятилетия щедрого на потрясения минувшего века. Многие по-прежнему называют себя ленинградцами. В этом нет желания вернуть своё прошлое или трамваи с портретом Иосифа Сталина. Старшее поколение знает его лучше других. Оно не хочет принимать таким своё настоящее.

На вантовом мосту через Неву наш автомобиль незаметно поднимается над городом и от этого кажется, что у него вырастают крылья. Полёт получается нормальным. Выпущенные шасси привычно касаются посадочной полосы, крылья сложены. За поворотом до Пушкина уже рукой подать.

Мы въезжаем туда у Египетских ворот. Они находятся между встречными полосами движения. Отделанные литыми чугунными плитами с изображениями мифологических

сюжетов древнего Египта, башни ворот всегда производят сильное впечатление. На них подробно описывается устройство загробного мира. Иногда стоит заглянуть и туда, чтобы больше ценить своё настоящее.

Во мне, с некоторых пор, поселился неуёмный дух, подвергающий сомнению любую новую информацию. Хочется всё потрогать самому и понять, докопаться до истины, собирая разрозненные факты. Почувствовать дух времени.

Эти ворота – не единственный пример египетского архитектурного стиля в Петербурге и его пригородах. Мода на него в Европе возникла в начале XIX века после не слишком удачного с военной точки зрения египетского похода Наполеона. Достаточно вспомнить сфинксов на невских гранитных набережных. Удивительным образом все они органично вписались в архитектуру Северной столицы и стали неотъемлемой частью её мифологического образа.

Город Пушкин люди часто называют по-старому – Царским Селом. Речь не идёт о возвращении ему этого имени. Сменой названий многие уже наелись и переболели. Имя великого русского поэта здесь окружено особым вниманием. Рассказ о городе без Лицея сегодня представить невозможно. Это составляет его особую атмосферу, которую вместе с царскосельским воздухом с юных лет впитали Ахматова, Гумилёв, Мандельштам и многие другие.

Предвижу по этому поводу немалое удивление самого Александра Сергеевича, подвергавшегося при жизни нема-

лым гонениям со стороны самодержцев. Он тоже из уважаемого старинного дворянского рода. Имел свой герб с княжеской шапкой, рукою в латах, державшей поднятый меч и орлом, расправлявшим крылья. Добавьте сюда ещё щит, рыцарский шлем с перьями и помните, что за каждым таким изображенным на дворянском гербе символом стояли заслуги предков поэта перед своим Отечеством.

Власть государя, после помазания на царство для него, поэта и дворянина, патриота России, становилась священной. Государь – посредник между Богом и народом. Конечно, будучи образованнейшим человеком своего времени, поэт хорошо знал историю русских дворцовых переворотов. О некоторых страницах её, наверняка думал с осуждением. Он всегда был честен и искренен в своих делах и поступках.

Что же мы сами знаем об истории Отечества, часто пользуясь лишь поверхностными и политизированными источниками разного времени? Мы уже давно смирились с мифами о периоде царствования Иоанна Грозного, создававшего наше централизованное государство, раздвинувшего его пределы до берегов Тихого океана. В этой истории всё непросто. Есть неудачная, начатая Русским царством Ливонская война, потеря многих земель и выхода к Балтийскому морю. Есть унижение от крымского хана Давлет-Гирея, легко рассеявшего войско опричников и безнаказанно сжёгшего Москву. После смерти Иоанна Грозного началось тяжёлое Смутное время. Нашему современнику трудно представить, что тогда грани-

да с соседним католическим славянским государством Речью Посполитой проходила в нынешней Московской области под Можайском.

Государство всегда строилось в тяжелейших схватках с внешними и внутренними врагами. Не пролил большой крови – не стал великим государём? А как иначе сломать местные суверенитеты, покончить с попытками бояр растащить государство на удельные княжества? Вот и вошёл в нашу историю Иоанн Васильевич тираном и жестокосердным безумцем.

Зато на широких русских просторах нет недостатка в памятниках Петру Великому. Хотя по части своей жестокости, тоже правитель оказался неслабый. Они оба нравились диктатору нового времени Иосифу Сталину. Под твёрдой державной рукой государство сохранялось лучше. Под мягкой и нерешительной рукой, как у Николая II или Михаила Горбачева, всё рушилось, а потом проливались целые реки крови. Не Сталин придумал в России террор. Придя к власти, он только увеличил его до самых невероятных размеров. Уничтожение граждан, способных к сопротивлению, всегда представлялось для деспотичной власти естественным делом.

Положим, что Александр Сергеевич, задумав написать историю Великого Петра, придерживался похожей точки зрения. Он повернул в бронзовых руках свою тяжелую трость и улыбнулся: «Нет, друзья. Мне довольно здесь и этого скром-

ного памятника, того самого, который в годы оккупации расстреляли немецкие варвары. Спасибо, что помните, нет большего счастья для поэта и гражданина». Конечно, Александр Сергеевич при жизни размышлял о славе первого поэта России. Только вкладывал в это совершенно иной смысл. Главный памятник Пушкин воздвиг себе сам. Это право на бессмертие, полученное оставленным наследием. Многие правители приходили и уходили вместе со своим временем. Над великими поэтами оно не властно.

Известные пригороды Петербурга часто вели свою историю с обжитых ранее мест. Вот и Царское Село начиналось с заурядной Сарской мызы, принадлежавшей шведскому магнату. После изгнания шведов Пётр I сделал её хозяином Александра Меншикова. Впрочем, уже через пару лет государь так же легко передал эти земли своей возлюбленной Марте Скавронской. Скоро бывшая служанка пастора Марта стала женой Петра под именем Екатерины Алексеевны. Сарской мызе с тех пор была уготована роль царской резиденции.

Многие из нас хотя бы однажды уезжали на лето в деревню или на дачу. Вот и императорская семья тоже покидала столичный Петербург, чтобы насладиться прелестями простой деревенской жизни в живописном уголке, названном Царским Селом. Здесь даже климат иной, не петербургский. Со временем это место обрастало дворцами и роскошными парками, тратились огромные средства на заграничных архитек-

торов и садовников. Очень скоро местное русское барокко оформилось в особый стиль и затмило по пышности европейский аналог.

Последний русский император со своей семьей перебрался сюда на постоянное место жительства после потрясений революции 1905 года. Разочарованием стала неудачная война с маленькой островной Японией на Дальнем Востоке. Общество безнадежно больно. Восторженные студенты и курсистки слали поздравления японскому императору, приветствуя поражение русского самодержавия. Чем хуже – тем лучше. Участились террористические акции, жить в столице становилось небезопасно. Пусть злословят и называют его «царскосельским сусликом». Их самих это пока ещё не коснулось. Именно, пока. Хлынувшие потоки беженцев через границы гибнущей империи, братоубийственная гражданская война и страшный террор будут уже потом.

Тишина и покой здешних садовых парков успокаивали расшатавшиеся нервы, а Екатерининский и Александровский дворцы ничем не уступали столичным. «Лучше всего – это ни о чём не думать, не слышать, во всём положиться на волю Господа нашего. Ведь каждый твой прожитый день – это подарок от Бога». Русский государь уже при жизни становился великим мучеником. Крепкая семья для него – одна из возможностей не сломаться и выстоять. Он лишь иногда покидал Царское Село, чтобы совершать двухнедельные прогулки на яхте «Штандарт» по Финскому заливу. Летом

Николай Александрович с семьей ездил отдыхать в теплый Крым. Государь с удовольствием читал легкую развлекательную литературу, а иногда книги и журналы по истории. Занимался фотографией и коллекционированием нового вида транспорта, автомобилей. У него самый обширный автомобильный парк во всей Европе. Ему вокруг всё близко и дорого. Здесь он родился, здесь прошли годы его детства.

Спустя ещё немного времени, Царское Село станет местом домашнего ареста царской семьи. Отсюда, по решению Временного правительства, они отправятся в ссылку в Тобольск, а потом будут перемещены большевиками в Екатеринбург и расстреляны вместе со своими приближёнными в июле 1918 года.

В позднюю осеннюю пору стоянку для автомобиля в этом месте найти нетрудно. Такое время далеко от пика туристического сезона. Чёрная земля раскисла после первого снега. Голые опиленные ветви старых покрытых мхом деревьев на фоне серого неба кажутся нам руками инвалидов-ветеранов. Аккуратно заклеенные дупла на их стволах похожи на тяжёлые боевые ранения. Во всём чувствуется какая-то особая, трагическая красота. Без неё никогда не понять Петербурга и его пригородов. Все они могут остаться для тебя чужими. Мы сворачиваем с Петербургского шоссе и паркуем машину у Фёдоровского городка. От ближайшего его здания сохранились только руины. Повсюду чувствуется дух запустения. Словно осень коснулась этих стен, и надолго остановила своё

время.

Эта часть города для многих приезжих часто остается малоизвестной. Роскошный архитектурный стиль барокко царскосельских дворцов со сверкающими золотом залами и знаменитая Янтарная комната – всё это немного в стороне отсюда.

Кажется, именно такими впервые увидел эти стены на чёрно-белом фото из послевоенного 1947 года. Пустые провалы окон и почерневшие печные трубы Белокаменной палаты, бесконечно длинные из-за рухнувшей когда-то крыши. Местами на стенах всё ещё видны следы, оставшиеся от попадания осколков и снарядов. Рядом резные ворота, покрытые старинным славянским орнаментом. Изображения-символы: Солнце и Луна, Грифоны и Львы, Семарглы и Крылатые кони. Ты аккуратно обходишь большую грязную лужу и показываешь мне на самом верху изображение Небесного всадника. Один Бог знает, куда он сейчас скачет.

Неожиданно на память приходят известные тютчевские строки:

Счастлив, кто посетил сей мир
В его минуты роковые...

Что-то подобное уже приходилось видеть в Ростове Великом или Костроме. В известном своим европейским стилем Царском Селе, такой уголок старой Руси многим покажется

принесённым извне, каким-то странным миражом. Он так и возник, словно град Китеж, стараниями последнего русского императора после его переезда из столицы: «Моя прабабка выстроила Китайскую деревню, почему я не могу выстроить здесь Русский городок?»»

Действительно, русские императоры редко баловали себя заграничными поездками. Зато они перевозили за границу сюда, причём лучшую, самой высокой и качественной пробы. Хорошо известно, что мода на западный стиль жизни пришла в правление великого реформатора Петра Алексеевича и часто подавалась как просвещённость. У Европы учились многому, не чурались и заурядного копирования. Сколь мало было русской крови в русских императорах, столь же мало оставалось русского в гражданском строительстве обеих столиц, большинства губернских и уездных городов. Это коснулось, образования, культуры, языка. Жизнь «на западный манер» давно стала нормой.

Новая русская идея императора была воспринята в обществе неоднозначно: «Это, что же, нам теперь опять отпускать бороды, носить боярские шубы да кафтаны? Бред...» Многие посчитали это очередной царской забавой и капризом. Следовало признать, что в обществе всегда сохранялась потребность на сохранение национальной русской самобытности. Нашлось достаточно много людей, которым идея воссоздания образа святой Руси в Царском Селе показалась нужной и своевременной.

Белокаменный городок строился рядом с Александровским дворцом, где жил сам государь. Возможно, последний русский император видел себя Иоанном Грозным, покинувшим Москву и жившим продолжительное время в Александровской слободе. Тогда это был сильный политический ход, чётко разделивший противоборствующие стороны. Поведение Николая II скорее говорило о непосильном для него бремени власти. Сильные и решительные сторонники пугали его, а от слабых и бездарных помощников было мало прока. Государственная машина, подобно старому изношенному локомотиву, тянула всё хуже и без пользы спускала облака пара. Она многих не устраивала, всё громче были слышны призывы сломать или изменить её. Уже был запущен обратный отсчёт времени для трёхсотлетней династии Романовых.

Видел и понимал ли всё это сам Николай? Его мечтательный взор был устремлён в далекое будущее, словно мост к неизвестному берегу. Рядом с ним всегда была его жена, Александра Фёдоровна, в девичестве принцесса Алиса. Он поверял ей все свои помыслы, открывал самые важные государственные тайны. Ники называл её Аликс, а она подписывала ему письма: «Твоя старая Курица». Это был брак по любви.

Николай окружил себя лучшими знатоками Русского стиля. Среди них – видные архитекторы Суслов, Покровский, Щусев, знаменитые художники Васнецов, Рерих, Билибин и Нестеров. Организатором строительства стал полковник

царского конвоя Ломан. На государственном уровне создано «Общество возрождения художественной Руси». У нового проекта появились свои учредители, великие князья, священнослужители и богатейшие люди России. В их числе известные деятели культуры и искусства того времени. Всё это задумывалось, как некое спасение страны от «западной революционной чумы» и ереси «жидовствующих». В планах нового общества – сбор сведений о памятниках русской старины, создание в Петрограде отдельного хранилища произведений древнерусского творчества. Не скатиться бы только под этим славным знаменем до откровенных черносотенных еврейских погромов, до подавления первых ростков политических свобод и либерализма.

Большому русскому кораблю нужно только набрать ход. Его сильно качает волной, слишком много уже пробоев в бортах. Придёт время, и его капитана станут уговаривать покинуть с семьёй тонущий корабль, бежать в Англию или Германию. Ведь Керенский наверняка обманет, ему нельзя верить. Теперь поздно: его предали все, даже генералы и ближайшие друзья. Нет, капитан не должен покидать своего корабля в минуту смертельной опасности. Нужно выпить эту чашу до конца...

В 1909 году началось строительство собора в русском стиле в честь Фёдоровской иконы Богородицы. Говорили, что эта икона была явлена в XII веке в Городце на Волге, именуемом в народе Малым Китежем. С ним было связа-

но предание о бывшем в тех местах Большом Китеже, невидимом граде – символе исконной Руси. Эту икону поместили в храме святого Фёдора Стратилата, изображённого всадником-змееборцем, покровителем княжеской власти. Потом его образ был вытеснен известным образом Георгия Победоносца. Под самим собором создали ещё один, особый пещерный храм, посвящённый преподобному Серафиму Саровскому. Его причисление к лику святых было принято Святейшим Синодом только после настойчивого обращения самого Николая. Это было сделано вопреки желанию обер-прокурора Синода Победоносцева.

Мы направляемся к Фёдоровскому Государеву собору. Он уже отреставрирован снаружи и сияет праздничным золотом своих куполов. Туда ведёт аллея из старых, покрытых наплывами деревьев. Наверное, они являются свидетелями многих далеких событий. Включаю своё воображение и вижу, как Николай II в присутствии великих князей и первых духовных лиц отмеряет шагами место для будущего храма. На нём военный мундир полковника лейб-гвардии Преображенского полка с широкой голубой лентой через правое плечо. Он одержим идеей спасения России через возрождение её духовности. На лице государя великая радость, известная только глубоко верующему человеку. Он верит в судьбу, свое призвание от Бога. Окружающие говорят о «смиренной, простой и непосредственной» религиозности своего государя. Неожиданно слышится хлопок, похожий на выстрел.

Он возвращает нас обратно на землю. С соседних деревьев в небо поднимается галдящая стая ворон.

Кованая ограда с двуглавыми золочёными орлами на воротах, сидящие нищие с испитыми синими физиономиями. Сразу спускаемся в пещерный храм по винтовой лестнице. Перед нами небольшие помещения под низкими сводами, покрытые красивой росписью. Старинные, писанные на доске иконы без оклада. Мне хочется узнать их возраст. С этим обращаюсь к смотрительнице. Она строго поясняет, что здесь действующий храм, а не музей. Прошу извинения и довольствуюсь ощущением особой атмосферы храма. Она действует на меня очень сильно.

Не зря ходил сюда молиться загадочный сибиряк старец Григорий Распутин. Представил, как этот здоровущий бородастый мужик брал здесь своими нежными ручищами старинную икону и целовал её влажным волосатым ртом. В полумраке храма поблескивали его глаза. В них тлел какой-то притягательный, насмешливый огонёк. Он сковывал движения и подавлял волю.

Поднимаемся в верхнюю часть храма и обходим иконы каждый по своему маршруту, ставим свечи. Против воли, краем глаза, продолжаю наблюдать за тобой. Мой добрый, кроткий и светлый Ангел, быстрый взгляд из-под опущенных ресниц и губы, шепчущие молитву. Вижу твоё волнение от прикосновения к Богу и одновременно чувствую легкую зависть, поскольку сам здесь этого никогда не испытываю.

Выйдя из храма, постепенно обходим остальные строения Фёдоровского городка. Здесь их сохранилось достаточно много. Дома для священнослужителей, нижних чинов, казармы и различные хозяйственные постройки.

Пытаемся представить себе здесь протекавшую дореволюционную жизнь. Вот совершается молебен на начало строительства Дома дьяконов. Рядом стоят князья Путятин, Ширинский-Шахматов и архитектор Русского городка Кричинский. Они обсуждают последние новости из Государственной Думы. Кажется, сам молебен им уже не слишком интересен.

Снова подходим к Трапезной палате, предназначенной для проведения официальных обедов: «...чтобы общение в храме Божьем распространялось и на повседневную жизнь». Людей вокруг всё больше высокого сословия, в военных мундирах или священного сана. На зелёном лугу у пруда беззаботно прогуливаются столичные барышни с выздоравливающими молодыми офицерами. Война, господа. Теперь мода на всё военное и патриотичный русский стиль.

Прямо перед нами высокая Башенная палата с зелёной крышей, которую венчает золотой диск со знакомым Всадником-змееборцем. В этих стенах находится просторное книгохранилище, вместившее более семисот книг и художественных альбомов.

На балконе Белокаменной палаты видим высокую фигуру усатого полковника Ломана, который оживлённо беседу-

ет с императрицей Александрой Фёдоровной, показывая рукой в сторону Фёдоровского собора. Она близоруко щурится, вглядываясь вдаль, и согласно кивает ему головой.

Красота необыкновенных построек в этом осеннем парке привлекает общее внимание. У южного фасада замечаем двух юных художниц-гимназисток, развернувших свои краски и мольберты. Рядом с ними художник Билибин. Он высок и строен, с узким лицом, обрамлённым красивой бородкой. Молодой художник что-то рассказывает своим спутникам. Все его движения наполнены изящной небрежностью. Сейчас он более всего похож на сказочного принца или испанского гранда.

С началом войны с Германией государь учреждает в городке лазарет великих княжон Марии и Анастасии. На увиденном мною снимке княжны с одинаковыми улыбками позируют перед фотографом в группе выздоравливающих офицеров. Замечаю, что у офицера слева совершенно равнодушный отстранённый взгляд. Здесь княжны уже в палате солдатского лазарета, снова фотографируются. Теперь они не улыбаются и даже не смотрят в объектив. Наверное, им теперь немного страшно. За ними, прямо на койках, разместилось полтора десятка солдат в белье и больничных халатах. Грубые и жёсткие сильные лица, перевязанные бинтами головы и конечности.

В этом лазарете проходил свою военную службу поэт Сергей Есенин. В день именин великой княжны Марии Никола-

евны он участвовал в торжественном концерте, читал своё стихотворение. После этого Есенин был удостоен разговора с государыней. Потом зазвучала музыка ансамбля бравых солдатшек балалаечников. Следом на сцену пожаловала известная исполнительница русских песен Надежда Плевицкая. На ней отделанный речным жемчугом кокошник и просторный синий сарафан. Настоящая речная нимфа, наяда.

– Говорят, что здесь видели Фёдора Шаляпина...

– Что, тоже будет петь?

– Пока он сидит с бокалом шампанского.

Пришедшая сюда власть большевиков по-своему распорядилась с доставшимся ему великим наследием. На обломках старого строя возникла новая империя – Советский Союз. Из её названия исчезло даже упоминание о Руси или России.

Можно сказать, что Фёдоровскому городку ещё относительно повезло. Он не подвергся окончательному разрушению. Его здания были переданы Агрономическому институту. Однако все собранные здесь бесценные музейные коллекции исчезли бесследно, фрески во внутренних помещениях старательно замазали.

Почти через столетие на Царской лестнице Трапезной палаты золотыми буквами повторили трогательную надпись, сделанную государём 12 февраля 1917 года: «...осматривал с удовольствием постройки при Фёдоровском Государевом соборе. Приветствую добрый почин в деле возрождения художественной красоты русского обихода. Спасибо всем по-

трудившимся. Бог на помощь вам и всем работникам в русском деле. Николай». Не сохранились строки Тютчева, которые здесь были начертаны рядом:

Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить;
У ней особенная стать —
В Россию можно только верить.

Нам ещё хочется попасть в Государеву Ратную палату, в которой совсем недавно открылся музей, посвящённый Первой мировой войне.

Дорогу туда находим не сразу, студенты местного Аграрного университета не имеют о нём даже малейшего представления. Помогает встретившаяся по дороге пенсионерка. Она подробно описывает наш будущий маршрут, а потом ещё рассказывает о соседнем двухэтажном здании в стиле модерн, стоящем в Академическом переулке.

Это был знаменитый императорский гараж, насчитывавший когда-то свыше 40 автомобилей. Самое современное техническое оборудование и лучшие петербургские шофёры. Говорили, что личный шофёр Владимира Ленина, некий Степан Гиль, тоже был из их числа. Теперь там располагалась сельхозтехника академии.

После этого мы быстро нашли нужный музей. Его белокаменные двухэтажные палаты с башней исполнены в неорусском стиле, сохранившем некоторые черты церковной архи-

тектуры Пскова и Новгорода. Такая спокойная по своим линиям постройка больше подходила нашему Русскому Северу. Кажется, что таким здесь был ещё выстроен Фёдоровский Государев собор.

Военный музей занимал только помещения первого этажа, соединённые галереей портретов гвардейских кавалеров. Он оказался очень современным. На специальных электронных панелях можно было легко найти любую информацию, проследить за ходом боёв. В большом зале, под арочными сводами палаты, за стеклом стояли военные мундиры участников противоборствующих сторон. По большей части, из коллекции самого государя. Он был большим собирателем с широким кругом интересов.

На этом фоне русский мундир казался затерявшимся и не сразу отыскивался. Здесь висели многочисленные знамёна воевавших стран, под стёклами витрин были собраны многочисленные образцы оружия. Более внушительным по позициям выглядело всё, что представляло воюющую кайзеровскую Германию. Да, у нас был сильный, серьёзный и хорошо обученный организованный противник. Даже все вместе остальные участники войны смотрелись в музее намного бледнее.

Наверное, это было немного не то, что нам хотелось увидеть. Война, о которой нас заставляли забывать. Здесь снова было много сказано о первых персонах, царской семье и совсем мало о простом русском солдате. Создатели музея толь-

ко приоткрыли дверь в эту страшную войну. Ещё можно сказать, что они начали большую и важную работу. Потому что этот маленький музей у нас пока единственный. В стране, которая в мировых военных конфликтах чаще других несла самые большие потери. Значит, опять что-то не додумали, не оценили, значит и дальше, будем совершать свои прежние ошибки.

Мне показалось, что организаторам экспозиций больше близка идея всеобщего примирения, что они более ориентированы на зарубежного посетителя. Только однажды, когда перешли в следующий зал, у меня зануло сердце. Увидел скромный быт русского пехотного младшего офицера, который так медленно менялся все последующие десятилетия. Того самого, что водил за собой в атаку солдат. Среди них всегда были самые большие потери. Немецкие офицеры предпочитали ходить в бой за чужими спинами и пристреливать отступавших подчинённых. Рядом была экспозиция из предметов военного лазарета. Неожиданно для себя, ощутил страшный приторно-сладкий запах покойницкой, всё это уже было в моей жизни. От такой мысли даже содрогнулся. Кажется, ты ничего не заметила. И ещё... этот вечный запах госпиталя, запах карболки, случайный или намеренный. Может быть, кому-то стало плохо, и было, отчего...

Символично смотрелись стоящие рядом щегольские французские, тяжёлые немецкие и простые русские сапоги. Об этом в Европе сейчас старались не вспоминать. Что

же, посещение такого музея могло бы стать напоминанием о прежних военных союзах и совместно пролитой крови. Мы дети XX века, и все эти убитые «сидели в каждом из нас»...

Выходя из музея, мы поблагодарили его организаторов. Спасибо, что теперь у нас есть такой музей. Мне, военному ветерану, это очень дорого. Кажется, работникам музея уже было не до нас. Приехало какое-то важное лицо, все забежали, на нужных позициях вытягивались в струнку. Почти, как в армии.

У выхода стояли дорогие автомашины представительского класса, рядом большое полицейское сопровождение с «мигалками». Мы тоже заторопились и поскорее ушли в тихий Александровский парк. Долго гуляли, до самой темноты. Она теперь скорая на подъем. Говорили друг другу, что непременно вернёмся сюда обратно, на следующий год. Лучше всего было приехать в июне и обязательно посетить Сиреневую аллею. Пьянеть без вина от белой ночи и этих безумных запахов. Ты же согласна, правда?

В тот осенний вечер нас удивительным образом притягивало здание Арсенала, похожее на западный средневековый замок. Там сейчас собраны разные коллекции царского оружия. Нам было холодно, а в окнах Арсенала горел свет. Смотритель внутри начал его выключать, желтые квадраты гасли один за другим. Только на самом верху они всё ещё продолжали гореть. Неожиданно в окне мы увидели силуэт скачущего всадника. Нет, это был не рыцарь, совсем другая

посадка в седле. Степной, похожий на дикого зверя воин, пугающий своей неизвестностью. Никому не дано понять и постигнуть его поступков. И тогда на память пришли известные блоковские строки:

Да, скифы мы, да, азиаты мы
С раскосыми и жадными очами...

.....
Россия – Сфинкс. Ликуя и скорбя,
И обливаясь чёрной кровью,
Она глядит, глядит в тебя
И с ненавистью, и с любовью!..

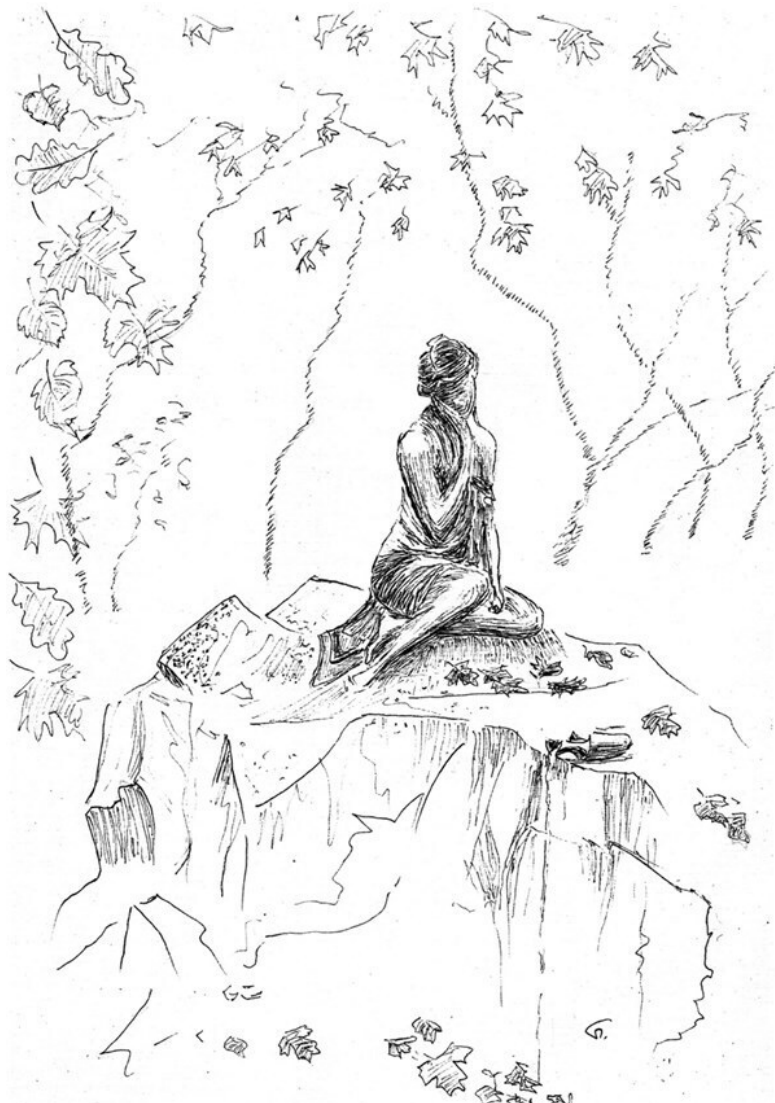
Мы возвращались домой по скользким улицам и мостам, при зыбком свете фонарей. Снова говорили, спорили или соглашались. Правдой было одно: с каждой новой поездкой мы всегда становились чуточку другими...

Поедем в Царское Село...

«... Свободны, ветрены и пьяны,

Там улыбаются уланы,
Вскочив на крепкое седло...»

В Екатерининском парке Царского Села

A.

Шапель (капелла) – павильон в Александровском парке
Царского Села

Русская Голгофа

И неся крест Свой, Он вышел на место, называемое Лобное, по-еврейски Голгофа; там распяли Его и с Ним двух других по ту и по другую сторону, а посреди Иисуса.

Евангелие от Иоанна 19:17-18

Часы с кукушкой

Помню, как в детстве любил ходить в часовую мастерскую на Сухумском шоссе. Там работал дядя Отари, отец моего друга. Одноногий инвалид войны, он нашёл там себе работу по силам, чтобы кормить свою большую семью. Можно было тихонько наблюдать за виртуозной работой его тонких, чувствительных пальцев в крохотных часовых механизмах. Ещё больше меня привлекали висевшие настенные часы, которых здесь было великое множество, самых разных, современных и старинных. Будучи уже отремонтированными, они проверялись на качество исполненной мастером работы. Часы тикали, шуршали стрелками и отбивали удары.

Были там ещё самые замечательные ходики с кукушкой. Мы с друзьями всегда с нетерпением ждали момента, когда над их циферблатом открывались дверцы, из которых выглядывала кукушка и начинала считать наступивший час. В

этом простом действе для всех нас было что-то чудесное, начало какой-то сказки.

С тех пор прошло немало времени, давно умер дядя Отари. В памяти остались его добрые печальные глаза. Теперь как-то неловко вспоминать, что он всегда угощал нас лепешкой, которую брал себе на обед. Мы всегда сначала отказывались, а потом ели. Он смотрел на нас и улыбался. Есть по молодости нам хотелось почти всегда, это чувство потом ещё долго сопровождало в годы срочной службы и учёбы в военном училище. Помню, как стряхивая крошки со стола, матушка никогда их не выбрасывала, всему находилось место в хозяйстве. Такому уважительному отношению к хлебу нас приучали смолоду. Мои родители были выходцами из крестьянских семей.

Надо сказать, что по сравнению с соседями, мы жили небедно. В нашей семье появился самый первый телевизор на улице. Внушительный фанерный ящик с небольшим экраном и двумя большими ручками управления внизу. Изображение в нём было чёрно-белым и не слишком чётким. Телевизор берегли и включали по специальному распорядку.

Теперь я уже никогда не хожу в часовую мастерскую, а на часы смотрю только по необходимости, чтобы куда-то не опоздать. Телевизор давно перестал считаться предметом роскоши. Из того ушедшего времени осталось только ожидание чуда и тихая душевная радость от встречи с кукушкой из часов. Такие воспоминания потом часто помогали не

ожесточиться в самых нечеловеческих условиях, когда мне становилось совсем плохо.

Юбилей

По большому счёту, у каждого внутри имеется свой собственный часовой механизм. Он исправно отсчитывает наши часы и минуты, а иногда требует более или менее серьёзного ремонта. Очередной юбилей становится неизбежным, как звонок заведённого будильника. Тебе стукнуло уже 65 и за это следует благодарить Бога, своих родных и близких друзей. По статистике такого почтенного возраста достигает чуть более половины российских мужчин. Вроде и войны нет, а мужской строй редет рано, словно идёт в атаку под прицельным пулеметным огнём.

Если разобраться, зачем вообще нужны разного рода торжества и юбилеи? Обычно на торжествах люди отмечают достигнутые успехи, какие-то положительные изменения. Правда иногда их ещё следует поискать или просто придумать. Так случается с некоторыми нашими историческими датами, событиями и отдельными людьми. В остальном всё развивается по известному установленному сценарию.

Самому себя понять трудно, что в тебе хорошо, что дурно. Иногда можно обратиться к русской литературной классике и поискать ответа у знатоков человеческой природы. Этой вечной привычке покопаться в себе и окружающем, изменить довольно трудно. Она, как тоска по ушедшему времени, когда сахар тебе казался слаще, а солнце ярче. Кто-то скажет,

что его среда заедает, другой – кивнёт на происшедший с ним случай. Всегда найдутся какие-то особые веские обстоятельства. С некоторых пор у меня появилась привычка задавать себе вопросы и самому на них отвечать.

Мне довелось родиться, как говорили прежде в красные дни Великого Октября. Потому в нашей семье отмечали сразу два праздника за один раз, вроде, даже удобнее получалось. Теперь, наверное, спустя много лет что-то видится немного иначе...

Ветры больших перемен

Мы совсем не похожи на «легкомысленных» французов, которые видят день взятия Бастилии своим главным национальным праздником. Когда-то Бастилия была тюрьмой для политических преступников. Взятие её восставшим народом во время Великой Французской революции 14 июля 1789 года символизировало свержение деспотизма королевской власти. Решение о таком празднике депутаты национального собрания приняли спустя столетие. Оно не стало единодушным, но там сумели найти компромисс. Вот уже много лет праздник отмечается французами с большим размахом. Вряд ли они вспоминают в этот день слова Анатоля Франса о гильотине, рубившей головы придумавшим её якобинцам.

У нас недавно исполнилось сто лет установления республиканской формы правления. К ней Россия пришла через февральскую революцию, завершившуюся захватом власти большевиками в октябре 1917 года.

Отношение к этим событиям по-прежнему раскалывает общество. Сложилось впечатление, что какая-то часть населения жаждет реванша. Снова деление общества на белых и красных. В Петербурге появилась мемориальная доска Маннергейму, в Сибири – Колчаку. Это притом, что Маннергейму наши ленинградцы-блокадники ничего не забыли, а Колчака в Сибири запомнили не как полярного исследователя и

героя Первой мировой войны, а как организатора жестоких карательных экспедиций. Неизвестно откуда, в Петербурге появилась масса титулованных дворян, а на воссозданных собраниях в старинных залах снова заиграла голубая кровь.

Предположу, что мы повторяем печальные ошибки. В далёком феврале 1917 года революционные силы наносили удар по самодержавию, но под его падающими обломками стала рушиться Российская империя. Многим казалось, что историческая идея всеобщего социального равенства и построения справедливого общества уже совсем близка. В такие критические моменты инициативу часто перехватывают политики с самыми крайними, радикальными взглядами. Пришедшие к власти большевики уже в самом начале правления были готовы жертвовать целостностью государства ради осуществления своих политических планов, сократив его до размеров средневекового удельного Московского княжества.

К слову, не они стали первыми раскачивать лодку. Это с успехом делала за них либеральная часть русской интеллигенции. Ещё задолго до революции началась широкая кампания нападок на традиционные ценности и государственные устои. В стране ей было позволено всё, вплоть до карикатур на царскую династию. В газетах с удовольствием смаковали каждую ошибку правительства, высмеивались духовенство и армия. Всё это мало похоже на полицейское государство, каким часто любят показывать Российскую империю.

Ругать либеральную интеллигенцию теперь модно, но она только выражала общественное мнение, и на это были серьёзные причины. Почему же Россия, блиставшая в Европе великими именами Владимира Бехтерева, Дмитрия Менделеева, Ивана Павлова, Ильи Репина, Льва Толстого и Антона Чехова, так и не стала её частью? Из школьных учебников нам казалось, что она стремительно ворвалась туда, прорубив окно на Балтику. Только одного государева желания оказалось мало, а переодеть русскую армию в европейские мундиры, пригласить немецких учёных, итальянских архитекторов, сбрить бороды и научиться делать политес на ассамблеях, ещё не самое главное.

Призрак реформ давно блуждал в умах многих русских государей, но изменить лицо монархии так и не получилось. Разве не за это в декабре 1825 года на Сенатскую площадь вышли те, кто были готовы умереть за реформы? Им тогда сочувствовали очень многие просвещённые люди...

Долгая игра со спичками

Зарождавшийся в России капитализм, по сути, не знал настоящего понятия частной собственности. Царь сам нередко указывал, где следовало ставить заводы, что на них следовало делать. Он был единственным настоящим хозяином в стране. Царь мог любого человека казнить, помиловать или отправить на каторгу, лишив сословных привилегий и всякого состояния. В Англии с XIII века, поднявшегося против своего короля графа или герцога, тоже могли положить на плаху, но его наследство всегда оставалось неприкосновенным и передавалось законным наследникам.

Экономика Российской империи вплоть до самого её конца имела казённый, ручной способ управления, а богатевшая русская буржуазия оставалась политически бесправной. В ту пору, как и сто лет назад, гвардейский офицер, женившийся на купеческой дочке, был обязан уйти из своего полка. При случае, полицейский чин мог купчишке и в зубы двинуть, а государственный сановник беззастенчиво испрашивал взятку за решение дела. Бурный промышленный рост с начала третьей четверти XIX столетия только обострил такое положение. Отчего же буржуазии не поддержать своими деньгами назревавшую в стране революцию?

Широко известно, что империя была крестьянской страной, но по реформе 1861 года вся эта огромная масса рус-

ского населения оставалась безземельной и была принуждена выкупать землю у помещиков. Такая практика не распространялась на западные окраины империи. Ещё Александр Павлович даровал Польше, Прибалтике и Финляндии парламентаризм и Конституцию. В результате именно эти регионы оказались куда более развитыми в экономическом отношении к 1917 году. Потом они же самыми первыми поспешили покинуть неудобный для них тонущий корабль.

Получалось, что Александр II так и не рискнул сделать этого для всей России, а ближний круг богатейших помещиков землевладельцев не советовал, их устраивал бесплатный рабский труд. Они всегда были против отмены крепостного права. Рассказывают, что император долго тянул с манифестом и даже держал во дворце на запасном дворе осёдланных жеребцов, боялся дворянской мести. Потом всё же под ним рвануло, но уже совсем с другого конца. Беда пришла, откуда не ждали, от народных мстителей, посчитавших себя обманутыми.

Как бы там ни было, но считается, что к 1905 году крестьяне выплатили своим хозяевам сумму, вдвое превышавшую рыночную стоимость земли. Они разорялись, начинали жечь поместья и в открытую угрожали отнять землю без всякого выкупа. Для этого крестьянам нужно было только получить в руки оружие, что скоро сделала наступившая война. Многие крестьяне в поисках лучшей доли уходили в город, нанимаясь на самую трудную и неквалифицированную ра-

боту. Это они потом стали самой активной революционной частью рабочего класса.

Человеку, не имевшему своей собственности, терять нечего. Он всегда потенциально опасен для государства, особенно если его вооружали революционной теорией. Мудрый и волевой реформатор Пётр Столыпин это хорошо понимал, но значение его деяний сильно преувеличено. Отпущенных денег на программу переселения оказалось мало. На реализацию реформ требовались ещё десятилетия спокойной работы, а у Столыпина времени не оставалось. Уже 1 сентября 1911 года он был смертельно ранен террористом в городском театре Киева. Скоро высших чиновников в России начнут отстреливать как зайцев на барской охоте.

Рискну предположить, что ещё основатель Российской империи Пётр Великий заложил опасную бомбу под основание государства, которая взорвалась в феврале 1917 года. Сегодня принято изображать большевиков главными гонителями церкви, но они просто были атеистами и к массовым репрессиям прибегли уже в ходе и после гражданской войны. Куда сложнее понять, почему против церкви выступил Пётр I. Наверное, его набожным родителям не могло даже прийти в голову, что их любимый сын ликвидирует патриаршество на Руси и передаст всю церковную власть подчинённому ему Святейшему Синоду.

С тех пор голос церкви не был слышен в государстве почти целых три столетия. Никто из последующих монархов не

решился исправить эту трагическую ошибку, слишком велик был авторитет деяний Великого Петра. В результате к моменту падения монархии православная церковь не имела реальной силы, не было того, кто мог бы обратиться с мудрым пастырским словом к русскому народу в критический момент истории. Пётр I лишил своего потомка Николая II надёжной опоры в обществе. Широко известно, что последний русский царь был глубоко верующим человеком и крайне не нуждался в этом. Многие святые старцы, которых он приближал к своей особе, только дискредитировали его. Патриаршество было восстановлено решением Всероссийского Поместного Собора 28 октября 1917 года после Октябрьского переворота. Титул «Святейший Патриарх Московский и всея Руси» приняли в 1943 году по предложению Иосифа Сталина.

Неслучайно, что Максимилиан Волошин в поэме «Россия» назвал образно царя Петра «первым большевиком», отмечая характер его преобразований в русском обществе. Куда жёстче о Петре в своих очерках отзывался Лев Толстой, говоря, что именно с него «начинаются особенно близкие и понятные ужасы русской истории»...

Не армия, а государственный механизм и правительство оказались неспособными действовать в условиях начавшейся большой войны. При наличии достаточного количества продовольствия и других ресурсов в стране стали возникать постоянные проблемы с их доставкой. Появился дефицит

топлива и продовольствия, начали расти цены.

Простым людям была совершенно безразлична избранная Государственная дума и дарованная царём Конституция. Они не видели в них большого проку. Народ в это время нуждался в хорошей зарплате, наличии продовольствия в магазинах и социальном обеспечении. До сих пор такими делами занимались сами фабриканты. Государству требовалось только своевременное поступление налоговых отчислений.

Страну потрясали голодные бунты, горели помещичьи усадьбы, а картины известного живописца Нестерова открывали перед столичным зрителем умиротворённый мир светловолосых отроков, ведущих народ в воображаемую святую Русь. До самого падения монархии не прекращались работы по созданию Русского городка в Царском Селе.

А что же государь? В феврале 1917 года Николай тихо радовался своему скорому отъезду из Петрограда в ставку: «Мой мозг здесь отдыхает, ни министров, ни хлопотных вопросов, требующих обдумывания. Я считаю, что всё это мне полезно...» Малообъяснимо, но до самого последнего часа падавшей монархии он был искренне убеждён в том, что православный русский народ его любит, а воду мутят подлые интеллигенты. Даже после своего отречения в своих дневниках государь размышлял, что народ скоро освободит его из вынужденного заточения в Царском Селе.

В это время столичный народ толпами валил на улицы и радостно обнимался с солдатами. Племянник государя,

великий князь Кирилл Владимирович с царскими вензелями на погонах и красным бантом на плече заверял Государственную думу в своей преданности, а церковь возносила молитвы за здоровье Временного правительства. Всё это тогда казалось совершенно естественным и нормальным.

Призыв большевиков к миру в условиях войны, в которой со стороны России участвовали миллионы людей, получился хорошо услышанным. Кроме них людям этого больше никто не обещал. Большевики лучше других знали, чего хотели сами, и чего ожидал народ, проявляли тактическую находчивость и гибкость в постоянно менявшейся политической обстановке. Получалось, что в условиях паралича государства, они оказались единственными, кто был способен подхватить власть, падавшую из ослабевших рук. Декреты о земле и мире окончательно склонили чашу весов в сторону большевиков, за ними пошли охваченные революцией массы. Успех ковался не только действиями самих большевиков, но и бездействием их политических противников.

Высказывается мнение, что Владимир Ленин был одним из первых успешных политтехнологов, а осуществлённая им революция некий пример ранних цветных революций. Не соглашусь, поскольку, не имея чёткой и ясной программы, отвечавшей интересам большинства, большевики обязательно проиграли.

Говорят, что перед смертью человек за одно мгновение вспоминает всю свою жизнь. Иногда к нему приходят запоз-

далые прозрения. Александр Блок, автор «Скифов» и знаменитой революционной поэмы «Двенадцать», скажет: «Меня выпили». Художник Анненков вспоминал его слова: «Я задыхаюсь, задыхаюсь, задыхаюсь! Мировая революция превращается в мировую грудную жабу!» В 1921 году поэт написал свое последнее стихотворение «Пушкинскому Дому»:

Наши страстные печали
Над таинственной Невой,
Как мы чёрный день встречали
Белой ночью огневой.

Что за пламенные дали
Открывала нам река!
Но не эти дни мы звали,
А грядущие века...

О русской армии и принятой присяге

В это время Временное правительство теряло своих последних надёжных союзников в лице армии. Находясь в эмиграции, в беседе с Энгельгардтом, Керенский скажет, что «только Корнилов привёл Ленина к власти. Без него ничего бы этого не было»...

Чем же интересен генерал Лавр Корнилов? В то время, когда все говорили о революции, он был одним из первых, кто вспомнил о России. Зачем нужна революция, если из-за неё Россия должна погибнуть? Ему удалось сформулировать идеи, которые потом разделяли многие сторонники Белого движения. Широко известна речь генерала Антона Деникина, с которой он обратился к Александру Керенскому: «Вы втоптали наши знамёна в грязь, так поднимите их и преклоните перед ними колена, если у вас ещё осталась совесть». Униженные, оплётанные и загодя уже названные «контрой», фронтовые офицеры оказались сторонними наблюдателями событий грядущего Октябрьского переворота.

Корнилов понимал, что силой заставить солдат воевать против своего народа нельзя. Во время мятежа он смог бросить на Петроград только казачьи части и «дикую дивизию», составленную из представителей кавказских народностей. Впрочем, даже они сразу же остановились, узнав, что их обманом поведут против восставшего народа. Керенский,

обратившийся за помощью к Советам, окончательно дискредитировал себя и закономерно проиграл.

В архиве Музея артиллерии сохранился любопытный документ, дневник кадрового офицера Цейтлина. В нём имеются записи, относящиеся к событиям октября 1917 года. «Абсолютная апатия людей. Мы наблюдаем, как город час за часом захватывают большевики»... «Ни против кого у меня нет такой злобы, как против этого фигляра – Керенского. Никогда он на меня не производил впечатления своими речами, жалкий адвокатишка, а сколько вреда наделал России. Верховный главнокомандующий, почти диктатор и без характера»... «Лениным и Троцким можно восхищаться. Можно их ненавидеть, не соглашаться, но это дела не меняет... А в общем их власть безусловная сила»...

И всё же захват власти большевиками в Петрограде не был похож на лёгкую прогулку. Уже после штурма Зимнего дворца в городе вспыхнул мятеж юнкеров. Одним из его очагов стало Владимирское училище на Петроградской стороне. Оно располагалось на Большой Гребёцкой, ныне Пионерской улице. Его осаду, которая началась в ночь на 29 октября газеты того времени окрестили «Владимирской трагедией». Завязавшаяся перестрелка продолжалась до полудня. Потом здание училища было подвергнуто артиллерийскому обстрелу, развернулись полномасштабные боевые действия, появилось много убитых и раненых. Только в три часа дня окружённые юнкера выбросили белый флаг.

В самый разгар боя, когда вокруг свистели пули и рвались снаряды, жители окрестных домов слышали колокольный звон. Это били в домовую церкву Николаевской богадельни, которая находилась рядом. Очевидцы рассказывали, что многие красногвардейцы тогда опустили свои винтовки и начали креститься. Потом большая группа из них уже не стреляла, а ушла в соседнюю боковую улицу и уже не принимала участия в осаде. Несмотря на стрельбу пулеметов и звон битого стекла, в домовую церковь пришёл батюшка и отслужил обедню перед собравшимися прихожанами.

После захвата училища солдаты и красногвардейцы принялись искать засады и обыскивать с этой целью квартиры соседних домов. В одной из них они обнаружили и арестовали юного кадета, «как будущего юнкера». Наиболее возбуждённые красногвардейцы требовали его немедленно расстрелять. Однако, после долгих уговоров и слёз матери, этого молодого человека отпустили.

Страницы вышедшей тогда газеты «Правда» рассказывали о «братоубийственной ожесточённой схватке», завершившейся трагически. «Каким-то чудом вырвавшийся из осаждённого училища юнкер, схватил брошенное кем-то на улице ружье, убил на месте матроса и красногвардейца и в этот же миг был сам убит ударами прикладов. Другой юнкер, совсем юный, стоял на улице на коленях и умолял пощадить его, но толпа, не знающая пощады, не вняла его мольбам. Из окон училища чьи-то дюжие руки выбросили на мостовую

женщину, как оказалось потом прислугу училища».

В том же номере газеты публиковались списки около полусотни революционных солдат, погибших в ходе подавления мятежа. В номере социал-демократической газеты «Новая жизнь» отмечалось, что «разоружение юнкеров сопровождалось кровопролитием и большим количеством жертв убитыми и ранеными». Их число с обеих сторон составило свыше двухсот человек.

Попутчиком журналиста «Петроградской газеты» в тот день оказался совсем юный солдат, «добродушный и коренастый с виду». Он поделился с ним, что был участником «усмирения юнкеров». Газетчик, глядя на острый штык, примкнутый к его винтовке, поинтересовался, не применяли его солдат у стен училища? «Нет, жалостливо было, штыком-то кадетов колоть... Я уж так, прикладом, – откровенничал солдат. – Скорее бы всё закончилось, товарищ... Устали мы, надоело всё это. Вот бы мир поскорее на фронте, да и в тылу тож...»

Вы когда-нибудь резали себе нечаянно пальцы? Каждому из них больно. Так некогда единый и прочный корпус Русской армии раскололся. Люди в военной форме присягали государю, а после его отречения, присягали новой сформированной власти – Временному правительству или Советам. Тот, кто когда-то носил погоны, хорошо знает, что присягу принимают только однажды, в этом заключается её особый смысл. Отступление от этого правила ломает понятие воин-

ской чести, делает возможным не исполнять данную присягу. Любая смена политической власти в стране ставит военного человека перед сложным выбором. Даже действуя в этом случае по совести, очень легко переступить запретную черту.

Смена власти в стране застала меня на Байконуре. Думаю, что ни себе, ни военной присяге мы тогда не изменили, даже когда неожиданно оказались в чужой стране. Космодром продолжал жить и работать. Новой клятвы от нас не требовали. Кто-то уволился из армии и вернулся домой, остальные служили своему Отечеству уже под трёхцветным знаменем...

А тогда многие думали, что можно избежать большой крови. Феликс Дзержинский «под честное слово не выступить против Советской власти» согласился выпустить из Петропавловской крепости генералов, арестованных за участие в мятеже. Не срослось, восстание Чехословацкого корпуса составленного из бывших военнослужащих австро-венгерской армии и формально подчинявшихся французскому командованию, спустило спусковой крючок страшной братоубийственной войны.

Гражданская война – всегда явление особое, как и её характер, методы и способы ведения. Здесь война ведётся против своего населения, на собственной территории и с особой жесткостью. Десятки тысяч офицеров придут в Добровольческую армию, и это будет их сопротивлением новой власти.

Другие тысячи их по разным причинам уйдут к большевикам, они станут военспецами и обеспечат Красной армии победу в гражданской войне. Кто-то потом захочет продолжить свою борьбу с Советами и начнёт сотрудничать с нацистами, как генералы Краснов и Шкуро.

В этой связи уместно вспомнить судьбу подпоручика Михаила Шванича немецко-польского происхождения, крестника императрицы и бывшего адъютанта князя Потёмкина. Его все больше знают как Швабрина из пушкинской «Капитанской дочки». Затерянная в степи маленькая крепость и двое молодых офицеров, страстно влюблённых в дочь коменданта Машеньку Миронову. По долгу военной службы мне и самому, не однажды, приходилось бывать в Оренбургских степях. Хороший Петруша Гринёв остался верным своей присяге и поставленный на колени перед мужицким «амператором», руку его жилистую не поцеловал. По воле автора за него вступился верный слуга Савельич. Опять же, подаренный заячий тулупчик самозванцу хорошо запомнился. Швабрин по повести и в жизни оказался трусом и предателем, ручку целовал и пошёл на службу к Емельяну Пугачёву, за что и был пожалован у него есаулом.

После казни бунтовщика Пугачёва и его ближайших сторонников Михаила Шванича лишили чинов и дворянства, сослали в далёкий и мрачный Туруханск. В вину ему тогда поставили измену дворянскому достоинству и воинской присяге. Ни Павел, ни Александр I впоследствии так и не про-

стили его. «Перемётчик – хуже врага» – была когда-то такая хорошая русская пословица. Похоже, что и для Александра Сергеевича он тоже «был злодеем во всём». Говорят, что над «Капитанской дочкой» он тогда работал параллельно с «Историей Пугачёвского бунта». Очень любопытно, чтобы Пушкин написал о нас и нашем времени?

Когда наступает завтра

Говорят, что по опросам, проходившим к столетию Октябрьской революции, абсолютное большинство населения нашей страны не захотело повторения таких событий и придерживалось позиции спокойного и постепенного развития. Наверное, это выражение мудрости нашего народа. Нация не может жить в вечном состоянии борьбы, иногда нужны периоды для спокойной работы.

Всегда с уважением относился к советскому прошлому, в котором прошла жизнь родителей и большая часть моей собственной. При непредвзятом подходе едва ли кто-нибудь станет отрицать социальные завоевания социализма. Только потеряв многие из них, мы по-настоящему оценили их значение для себя. Теперь ими пользуется остальной мир, не задумываясь о том, что они стали следствием воздействия революционного Октября.

Неслучайно, названный очевидцами переворотом, он в дальнейшем вошёл в историю как великая революция, главное событие XX века, изменившее мир. Такая оценка не претендует на определение её исключительно положительного действия. Каждый волен сделать выбор сам. Что это, зло или благо? Мне ближе оценка, сделанная известным русским философом Николаем Бердяевым: «В революции искупаются грехи прошлого. Революция всегда говорит о том, что власть

имеющие не исполнили своего назначения». Это то, что называется, уже для нашего внутреннего пользования. Потому что одно дело пользоваться какими-то готовыми благами или переживать самому стихию очередного революционного потрясения.

Ценой невероятных усилий и огромных жертв разрушенное Российское государство было восстановлено в новом облике – Советского Союза и стало признанной мировой ядерной державой. К людям снова вернулось утраченное национальное самосознание, принадлежностью к этой стране многие из нас гордились. Возможно, кто-то помнит, что ещё в 70-е годы прошлого столетия мы отставали по электронике только от США, и каждый четвёртый самолет мирового авиапарка производился в СССР. К нашему государственному красному флагу в США тогда относились с большим уважением, нежели сейчас. Как и многие считаю теперь, что разрушение Советского Союза явилось для нас страшной трагедией. Государство опять было принесено в жертву политической идеологии.

Конечно, при настоящем социализме мы никогда не жили, чаще говорили про его соседний шведский вариант. Жизнь в условиях постоянного ограничения материальных и бытовых потребностей назвать «зрелой фазой социалистического общества» было нельзя. Всё это требовало реформирования государства, но не его разрушения, которое началось в эпоху правления Михаила Горбачёва. Вхождение в рынок могло

опираться на достижения прежней системы.

Возможно, правы те, кто считает, что России часто не везло с руководителями на крутых поворотах истории. Это тоже трудности нашей несовершенной системы. Поэтому убеждён, что и Октябрьская революция и развал Советского Союза после событий августа 1991 года – всё это продукты собственного производства. Всегда кому-нибудь на стороне захочется вывести наши недовольные массы на улицу. Для этого легче всего толкать на протестные действия наших детей. Они могут кидаться на полицейских с цепями и сжигать людей заживо. Пережить такое каждому страшно, но это не отменяет запроса на перемены в обществе. Очень важно понимать, как и откуда они сейчас пойдут, власть обязана слышать свой народ. А пока нас с экрана будут потчевать сказками, где в величайшей в мире стране революцию, зреющую десятилетиями, устраивает из швейцарских пивных на немецкие деньги группа авантюристов.

Мы давно уже живём в обществе потребления. Читаем этикетку на пакете молока и покупаем его, потому что там про него лучше написано. Нам бывает хорошо потому, что обман принимаем за правду, часто слышим то, что хотим услышать. Только слепой сегодня не замечает катастрофического падения общей гуманитарной эрудиции, деградации промышленности и умирающих деревень. Когда-нибудь всё это приведёт нас к состоянию некоего безликого народонаселения. Положительные изменения в стране тоже происходят,

но слишком медленно. Остаётся только уповать на то, что трудности закаляют и сплачивают большую часть российского общества.

На таком фоне продолжать стоять друг против друга и требовать покаяния, пока весь остальной мир пользуется нашей невозможностью найти согласия ни по одному вопросу прошлого, настоящего и будущего для общества равносильно самоубийству, так можно потерять всё.

У Льва Толстого есть замечательный рассказ «После бала». Его главный герой Иван Васильевич «был пьян своей любовью» и весь вечер на губернском балу танцевал только с Варенькой. Там же был её отец, полковник Петр Владиславич – «красивый, статный и свежий старик». После обеда хозяйка уговорила его пройтись один тур мазурки в паре с дочерью. Весь зал был в сильном восторге, а Иван Васильевич проникся к Варенькиному отцу восторженно-нежным чувством. Гуляя потом всю ночь по городу, он увидел, как утром на плацу наказывали солдата за побег, его прогнали через строй. Петр Владиславич шёл рядом и следил, чтобы все солдаты били его палками как должно. Потом и сам отхлестал перчаткой по лицу нерадивого солдата за проявленную жалость к дезертиру.

Иван Васильевич никак не мог понять, хорошо ли или дурно то, что он сейчас видел: «Очевидно, он что-то знает такое, чего я не знаю, – думал я про полковника. – Если бы я знал то, что он знает, я бы понимал и то, что я видел, и

это не мучило бы меня». Так и не узнав этого, он не смог поступить потом ни на военную, ни другую службу. При виде хорошенького личика Вареньки ему вспоминалось то утро, и... «любовь так и сошла на нет».

Как бы и нам самим, однажды, не оказаться утром в таком же странном положении. Кроме XX века, трагического и великого, Россия развивалась уже более тысячи лет, сохранив свои традиционные ценности и особый национальный характер. Самое разумное – это с христианским смирением принять всё это и объединиться ради нашего общего будущего...

Вместо эпилога

Не знаю, может быть из-за недоверия к виду костюмированных революционных матросов у крейсера Аврора или фанерным броневидам на Дворцовой площади, обилию кумачовых бантов и знамён на улицах Петербурга – Петрограда, нам захотелось в эти красные дни календаря чего-то действительно настоящего. Конечно, ещё можно было посмотреть выставку живописи социалистического реализма «Вдохновение в красных тонах» в особняке графа Румянцева на Английской набережной или увидеть в Смольном парижский костюм и знаменитую кепку-восьмиклинку Владимира Ленина, но это тоже не тронуло. Всю жизнь тянуло в другую сторону. Знаете, случалось, что и не ошибался, приходил так правильное направление...

Мы уехали в Левашово, есть такое мемориальное кладбище под Петербургом у Горского шоссе, больше известное, как Левашовская пустошь или расстрельное кладбище НКВД. Оно оставалось секретным объектом КГБ до 1989 года, и уже одно это говорило о многом. У входа там сейчас стоит памятник жертвам политических репрессий. Молох, запущенная машина уничтожения, и безвольно поникшее человеческое тело на его руках. Как-то у нас даже спор вышел, зачем здесь нужен такой памятник? Наверное, он нужен, именно такой, как предупреждение. Может, с другим

названием. Потому что этот молох никуда не делся и незаметно живёт рядом или в нас самих, как пережитое или переданное поколениями чувство страха. Дальше всё, как и раньше, участок леса, огороженный глухим высоким зелёным забором с дорожкой для собак охраны, и полная внешняя изоляция. Рядом воинская авиационная часть с аэродромом, КПП с солдатами в касках и бронежилетах.

Паркуем свою машину на стоянке возле мемориала. Остановка здесь всё ещё называется «Клуб». Он когда-то находился совсем рядом, знаменитый клуб авиачасти. Танцевальный зал, бильярдная, кинозал и хороший буфет. В августе 1962 года в этом клубе выступал первый космонавт Юрий Гагарин, и множество людей слушали его рассказ о полёте в космос. Принимали его тогда лётчики вместе с заместителем командующего авиацией округа прославленным Иваном Кожедубом. Конечно, оба героя ходили здесь вдоль странного забора, но они могли не знать, что за ним находился расстрельный могильник. В середине 1960-х годов клуб сгорел. Теперь на этом месте поставили большой деревянный храм.

Очень тяжёлое, совсем не для праздника такое место, но оно ближе к правде, и это заставляет нас снова приходиться сюда. Цифры захороненных здесь жертв сильно разнятся: от 45 тысяч до 19 450 человек. ФСБ даёт свои точные данные по этому месту. Конечно, они лучше других знают правду, только пришло ли у них время рассказать её нам?

Говорят, что основным местом казней в Ленинграде было отделение ленинградской тюрьмы Главного управления государственной безопасности, расположенное в доме 39 на Нижегородской улице. Потом тела вывозили в крытых машинах и сбрасывали в большие ямы. Это было не единственное место массового захоронения. Тайно хоронили и на Ржевском полигоне, в Токсово и Бернгардовке.

Входим на территорию кладбища и по традиции бьём в колокол открытой деревянной колокольни. Звон у него хороший и долгий, звук словно плывёт по лесу. Собственно, настоящих могил у захороненных здесь людей нет. Вместо них памятные знаки, которые оставили родственники на деревьях или небольшие плиты на земле, у кого что получилось. Зато теперь им есть куда приехать и поклониться. Раньше и такого адреса у родственников не было. Это же очень важно, если потерял своих близких, а потом нашёл их здесь. Получается уже не общая история, а очень личное, своё. Карта-схема захоронений 1960 года, представленная сюда архивом Управления ФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области удивительным образом похожа на рисунок цветка согнутого ветром. Его клонит к земле, но он не ломается.

Люди всегда приходят сюда малыми группами или парами, чаще всего пожилые с молодыми. Лица у многих зажатые, место здесь такое, что не отпускает. Все ведут себя тихо, останавливаются у памятных знаков, разговаривают с ними,

как с живыми людьми. Всё очень условно, потому что вместо могил только просевшие, заброшенные землёй общие ямы и длинные расстрельные рвы. Они хорошо читаются, словно шрамы на лице. Ходить между ними хочется осторожно, не знаешь, чего можешь задеть. Земля тоже умеет говорить и плакать. Лес вокруг молодой, он вырос уже после войны.

Теперь сосны стали памятными обелисками с приметными на них фотографиями. Чаще всего нам встречаются даты расстрелов 1937 и 1938 года. Совершенно бессознательно ищут там фотографии, таблички военных, красноармейцев в буденовках и офицеров царской армии. Для меня, офицера, они все свои. Мужественные и печальные, благородные лица, они лежат где-то рядом, в одних общих могилах. Смерть давно примерила их, а может и в жизни они были друзьями, вместе строили светлое будущее. Рядом на стволах деревьев фотографии простых рабочих и крестьян. Есть много портретов священников, учёных, инженеров, учителей и студентов. Среди них священник и философ Павел Флоренский, поэт Борис Корнилов. Иногда на кладбище встречаются памятные знаки целым семьям с детьми.

В этот раз мы взяли с собой много восковых свечей, теперь зажигаем их и ставим у памятных знаков, всем, кого находим. Видим отдельные мемориалы новгородцам и псковичам, вспоминаем свои недавние поездки туда. В 30-е годы составлялись особые национальные расстрельные списки. Поэтому сейчас здесь есть отдельные общие памятники.

ки российским немцам, полякам, финнам, латышам, эстонцам, украинцам, белорусам и другим. Все они располагаются немного обособленно друг от друга, словно отдельные государства со своими условными границами. В общем, здесь уже никто никому не мешает. У тех, кто приезжает сюда помянуть их, отношения лучше межгосударственных, здесь не делят на «своих и чужих». Мы тоже так делаем на этом маленьком кладбищенском континенте.

Возле памятника «Немцам России» находим знак Виктору Булле, представителю прославленной династии российских фоторепортёров. Участник русско-японской и первой мировой войны, он вместе с отцом участвовал в юбилейной съёмке Льва Толстого в Ясной Поляне, трёхсотлетия Дома Романовых. Пришло время, и Виктор Булла осуществил фотосъёмку всех ключевых моментов русских революций, фотографировал Ленина и Кирова. Как и многие другие, был арестован по обвинению по статье 58 п. 6 УК РСФСР за шпионаж в пользу немецкой разведки и расстрелян. Он похоронен здесь, в могильнике Левашовской пустоши.

В маленьком музее, бывшем караульном помещении, мы неожиданно отыскали фотографию Юзефа Лося в будёновке, фронтовика, инженера-конструктора и отчаянного планириста. Того самого, что потом стал прототипом инженера Лося в научно-фантастической повести Алексея Толстого «Аэлита». Помните, как у него в Офицерском переулке Петрограда начинался удивительный полёт инженера Лося и

красноармейца Гусева на Марс: «В сарае оглушающе треснуло, будто сломалось дерево. Сейчас же раздались более сильные, частые удары. Задрожала земля. Над крышей сарая поднялся тупой нос, и заволокся облаком дыма и пыли. Треск усилился. Чёрный аппарат появился весь над крышей и повис в воздухе, будто примериваясь. Взрывы слились в сплошной вой, и четырехсажённое яйцо, наискось, как ракета, взвилось над толпой, устремилось к западу, ширкнуло огненной полосой, и исчезло в багровом, тусклом зареве туч».

Видно и здесь, на Земле счастье не бывает долгим. Жизнь этого талантливого человека трагически оборвалась в 1937 году. Инженер Лось погиб не на Марсе, он был расстрелян в застенках НКВД.

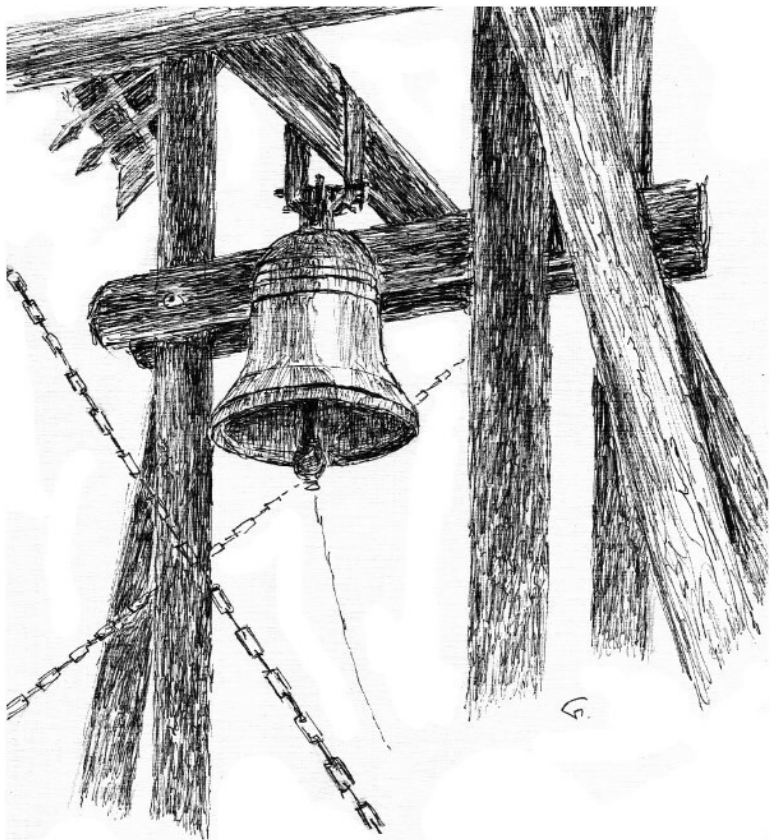
Мы тогда оглянулись назад, и нам показалось, что в лесу на кладбище стало немного светлее. Это горели зажжённые нами свечи.

– Здесь есть ваши близкие или знакомые? – спросили у нас.

– Да, – ответили мы. – Наших родных и близких везде очень много, у всех нас большая семья...

Русское воинство. Благословение

Колокол. Мемориальное кладбище «Левашовская пустошь»

Лестница в небо

На космодроме небо было необыкновенным, яркие звёзды висели прямо над головой... Это был другой, неведомый им мир. «Эллио утара гео», – казалось ему небо голосом Аэлиты. «Я всегда буду слышать тебя, голос любви и вечности бесконечной Вселенной, теперь мы рядом», – прошептал он...

У христианского богослова, византийского мыслителя Иоанна Лествичника, игумена Синайского монастыря, жившего в VI веке, в его знаменитой книге «Лествица» повествуется о духовной аскетической лестнице или пути, ведущем от земли наверх, на Небо или к Богу. Каждая ступень её в строгой последовательности рассказывает о духовном делании монашествующих. Не всем предначертано узнать в себе монаха, но каждому человеку суждено делать на такой лестнице свои собственные шаги. У древнегреческого философа Гераклита есть известное изречение: «Путь вверх и вниз один и тот же». Герою повести и его товарищам иногда казалось, что космодром – то самое место на земле, где лестница касалась края Неба. Короче вземзные расстояния делали запущенные их руками космические корабли. Они даже не замечали, как сами проходили важные ступени и вехи своего непростого жизненного пути...

Чёрное солнце

С каждой минутой солнце утрачивало свою яркость. С Чёрной речки пахнуло холодом, по земле пробежала тень. Ещё немного и показалось, что посередине дня наступил вечер. В небе зажглись звёзды, а вместо солнца возник чёрный диск в пылающей короне огня. Только самый край его всё ещё светился узким серпом. Население Земли разделилось на счастливых, тех, кто видел солнечное затмение и остальных, которые могли сделать это только через 18 лет.

Некоторые люди готовились к солнечному затмению заранее, бронировали гостиницы на Фарерах и Шпицбергене, разворачивали на смотровых площадках всевидящие телескопы и специальную съёмочную аппаратуру.

В тот день Николай Барков, сотрудник заводской лаборатории сверхтвёрдых материалов неожиданно понял, что больше никогда не увидит такого солнечного затмения. Как ни бодрись, а старость уже села на плечи, и счёт годов пробежал немалый. Мир показывал напоследок ему свои чудеса. Барков вспомнил, как они в детстве наблюдали за этим необычным астрономическим явлением. Про этот дедовский способ в интернете не рассказывали. Барков нашёл на территории завода осколок оконного стекла и основательно закоптил его кусочком подожжённой резины. Теперь можно было спокойно смотреть, как полная Луна постепенно скры-

вала от него солнечный диск.

Солнечное затмение вызывало живейший интерес. Оно не пугало окружающих, у всех получалось бесплатное представление. В обеденный перерыв сотрудники завода высыпали на улицу, закопчённое стекло Баркова пошло по рукам. Двое иногородних рабочих успевали следить за затмением в Петербурге и одновременно общаться по телефону с родными из Ростова-на-Дону. Там наблюдали затмение в другой обстановке. В результате восприятие необычного небесного явления получалось более масштабным. У кого-то в посёлке с утра не доилась корова, беспокоилась домашняя птица. Наверное, природа уже посылала им тревожный сигнал. Как беду встречали солнечное затмение наши далёкие предки...

Верховный жрец в длинных белых одеждах вышел из храма и воздел руки к небу: «Наступил день страшного суда и смерти. Пришла расплата за грехи ваши. Люди, молитесь, солнце отворотило свой лик от проклятого народа. Наступило царство вечной тьмы»...

Действительно, свершилось что-то ужасное. Солнце неожиданно погасло и превратилось в пылающий чёрный диск. Мир, созданный из хаоса, теперь снова возвращался в него. Люди в ужасе падали на землю, закрывали голову руками, ожидая страшной небесной кары. Наступило какое-то всеобщее помешательство. Они рыдали, падали и катались по земле, признавались в грехах, всё ещё надеясь на ниспосланную им милость. Многие в панике разбежались прочь,

ища защиты в чаще леса или пещерах. Другие грабили опустевшие барские дома, надевали на свои грязные тела богатую одежду и пили дорогое вино...

Без света мир стал серым и бесцветным. Планета медленно остывала, наступал холод и голод. Тогда люди перестали молиться солнцу, своему главному источнику жизни и света. Они разрушили его храм и прокляли своих богов. Люди стали верить в мир побеждающего Зла. Теперь они истребляли друг друга в жестокой схватке за выживание. Безумие, порождавшее зло, наверное, было ещё более страшным. Оно превращалось в другое затмение, затмение человеческого разума...

А что если всё, что произошло с его страной, было следствием какой-то неизвестной человечеству космической катастрофы? За короткое время огромное количество нормальных и законопослушных сограждан внезапно стали совершенно неуправляемы, словно массово заболели психическим расстройством. От толпы к толпе коварная зараза разошлась по миру. Весь исконный миропорядок был опрокинут вверх дном.

Барков подумал, что уже видел такое солнце во время службы на космодроме. Случалось, ошалевший степной ветер поднимал тучи пыли где-нибудь над горизонтом. Потом вся эта бурая завеса стремительно двигалась по голой равнине, легко меняя своё направление. Крохотные частицы пыли были так малы, что могли надолго повиснуть в воздухе. От

них невозможно укрыться. Они проникали повсюду, в глаза, нос и уши, останавливали дыхание.

В этих местах пыль замешана солью, которую сюда приносило с берегов Арала. Это были его слёзы, он медленно и мучительно умирал. Однажды человек решил сделать плодородными пустынные земли междуречья и стал забирать идущую к нему воду на поля риса и хлопчатника. Рая на земле он не создал, а море ушло навсегда. Можно было ехать многие километры до края воды по прежнему дну, превратившемуся в голую солёную поверхность. Море усыхало, как отмеренная человеку земная жизнь. Это только в молодости она кажется ему вечной. Вечным теперь оставался обезлюдевший израненный мир, отвечавший жестокими пылевыми бурями на вторжение человека. Видимость вокруг исчезала, превращая день в вечерние сумерки. Кому-то могло показаться, что его хоронили заживо. Можно было подумать, что планета землян стала совершенно негодной для человеческой жизни, и им нужны другие звёздные миры. Потом сквозь пыльную мглу проступал огненный венец чёрного солнца...

Барков знал, что всё это было временным, как бы, ни выглядело тревожным сейчас. Следовало только немного переждать. Наступал момент, когда над поверженной землёй снова открывалась глубина синего неба возвращённого дня...

Падение империи

Это было переломное время начала 90-х. Иногда, казалось, что всё это случилось не с ним и совсем в другой жизни. Слишком много необратимых перемен для одного человека включил в себя короткий отрезок времени. Его сослуживцы тогда невесело шутили по этому поводу: «Уснули красными, а проснулись трехцветными»...

Обстановка, в которой произошло крушение огромной союзной державы, напоминала ему всеобщее помутнение разума. Впрочем, Барков и сейчас сомневался, что в головах окружавших его людей стало намного светлее. Он и сам по-прежнему многого не понимал.

Проблемы в стране нарастали, словно снежный ком. Отлаженный десятилетиями старый государственный механизм в руках нового верховного правителя всё больше давал сбой. Экономика трещала по всем швам, страна теряла статус сверхдержавы. Последовал распад Организации Варшавского договора и вывод советских войск из стран Восточной Европы. В обществе накапливалась напряжённость, росло общее недовольство.

Как-то, ещё в 1989 году Николай Барков вместе с другом возвращались к месту службы из служебной командировки. Ехали через Москву, оба в военной форме. Оставалось ещё несколько часов до отхода поезда. Сразу отправились за по-

купками по магазинам. К тому времени с продуктами в стране стало совсем плохо. Их закрытый гарнизон тоже не был исключением. Столица, не в пример остальной стране, всегда жила значительно лучше. Сюда часто приезжали с соседних регионов за продуктами. В троллейбус, в котором они ехали, вошли четверо молодых людей спортивного сложения. Издеваясь, они загородили им выход: «Понаехали сюда, скоро и у нас в магазинах будет пусто. Пусть ползут отсюда со своими сумками на четвереньках».

Тогда они пошли прямо на них, прокладывая себе путь плечами. С Баркова сбили фуражку. Он нагнулся за ней и получил удар по затылку. Его свалили на пол и стали наносить удары ногами. Досталось и его другу, Лаевскому. Троллейбус резко затормозил и открыл двери. Барков с другом покинули салон. Пьяными их обидчики не были. Форма советского офицера действовала на них, как красная тряпка на быка.

Забравшись в своё купе, они тогда крепко выпили. Было обидно за себя и свою страну. Состоявшийся разговор Барков помнил и сегодня.

– Что же, офицеры больше не нужны своей стране? Откуда такая ненависть? – спросил он.

– В армии всегда видели опору государства. Они били нас, офицеров, а целили в политический режим. – Лаевский никогда не терял привычки подвергать всё анализу и находить ответы на любые вопросы.

Барков вонзил в него взгляд, полный отчаянья.

– Офицеры, не сумевшие защитить себя и свою честь, раньше подавали рапорт об увольнении из армии.

– Прости, но времена рыцарских романов давно прошли. Осталась грустная проза жизни, Николай.

– Поэтому мы с тобой сейчас утрёмся и будем служить дальше, – подвёл итог сказанному Барков.

Он глотал свой коньяк, не чувствуя его вкуса, желая заглушить приступ душевной боли. Он покосился на своё отражение в дверном зеркале купе. На него смотрел человек с загорелым, осунувшимся лицом.

Молодая симпатичная проводница принесла им чай. Рассчитываясь, Барков постеснялся предложить ей чаевые. Если бы девушка не была так красива, он, наверняка, решился на это. Помнится, что потом даже спросил её адрес в Москве, сославшись на то, что у него сейчас никого нет.

Девушка в ответ улыбнулась ему и сказала, что не всегда бывает дома. Свой телефон, всё же, оставила...

Их встреча в Москве случилась через полгода, короткая и стремительная. У обоих было слишком мало времени на долгие объяснения и слова о любви. Им досталось много ожиданий и неуёмной страсти теперь. Её ослепительное белое тело в ворохе кружева, стон и порывистое дыхание. Он надолго хранил ощущение нахлынувшего потока нежности и тепла. Потом снова были долгие месяцы ожидания его новой командировки.

Двое суток дороги тогда немного сгладили горечь посещения столицы, но неприятный осадок надолго остался. Помнится, приехав позднее в отпуск к отцу, Барков откровенно признался, что впервые пожалел о своих офицерских погонах. Его отец покачал головой и вспомнил про массовые сокращения офицерского состава при Никите Хрущёве. Он посоветовал ему не торопиться с выводами и не совершать необдуманных поступков. Тогда его отец тоже не выдержал и написал рапорт об увольнении из армии. Его, имевшего тяжёлое ранение в годы войны, удерживать дальше не стали. Потом отец крепко жалел о своём поступке, лишившем его хорошей военной пенсии по выслуге лет. «В любой ситуации государству придётся обращаться к подготовленным военным профессионалам. Нужно только перетерпеть это смутное время. Когда волны раскачивают лодку, на поверхность всегда поднимается много мути и грязной пены. Это попутчики любого шторма. К сожалению, все решения сейчас принимают именно такие люди. Время скоро всё расставит по своим местам», – сказал тогда отец. Потом они вместе откупорили бутылку домашнего вина и вспомнили на эту тему один грустный анекдот. «Вовочка не разговаривал до пяти лет. И вдруг за завтраком говорит:

– А почему мне сахар в чай не положили?

Обрадованные родители его спрашивают:

– Что ж ты раньше не говорил?

– А раньше клали».

Скоро огромное союзное государство, словно мифическая Атлантида, окончательно погрузилось на дно. Партийные идолы, которым страна дружно поклонялась десятилетиями, неожиданно превратились в одноцветных карикатурных злодеев. В самые тревожные для страны дни в поддержку новой власти на улицах столицы выросли баррикады. Армия заняла ключевые посты в Москве, но дальнейших приказов для действия не получила, начались братания военнослужащих с демонстрантами. Борис Ельцин выступил с обращением о попытке государственного переворота. Наступил его звёздный час, он стоял уже в шаге от власти.

Баркова не оставляло ощущение разыгрываемого фарса, чего-то очень искусственного. Он всё ещё полагал, что это только очередная смена фасадной вывески в кремлёвских коридорах власти. Старая власть в столице рушилась как карточный домик. Провинция жила поступавшими слухами, она здесь уже ничего не решала. В любом случае следовало ещё посмотреть, куда всё это вывезет. Народ ждал и безмолвствовал...

Сегодня хорошо известно, что быстрый успех революционных событий февраля 1917 был во многом предопределён позицией русской армии. Вернее частью её, войсками Петроградского гарнизона, состоявшего, главным образом, из тыловых, учебных и запасных батальонов, укомплектованных призванными запасными старших возрастов. Такие части никогда не отличались высокой дисциплиной, организо-

ванностью и порядком. В любом случае кровь на фронте они не проливали. Кто и каким образом оказывался в таких частях, у любого военного человека обычно сомнений не вызвало. Они активно участвовали в беспорядках и массово переходили на сторону восставшего народа. Все боеспособные войсковые части в это время находились на фронте.

Вопрос роли армии в революции всегда самый главный, а значит нужно ещё и момент угадать, когда на фронте не будет побед, а потери окажутся значительными. Вот куда требовался большевикам известный лозунг о поражении России в империалистической войне. Значит, чем хуже в тылу и на фронте – тем лучше для революционной ситуации. Иначе говоря, на карту ставилась судьба государства для достижения определённых политических целей. Представить такую позицию у людей государственных, в воюющей третий год стране, невозможно. Это будет предательством и изменой. Если только опять не ссылаться на затмение человеческого разума.

Ответственность за это должны были разделить и либеральные круги крупной буржуазии, депутаты Государственной думы и генералитет русской армии. Отречение императора было санкционировано командующими воюющих фронтов и флотов. Все они подтвердили это соответствующими телеграммами или своим личным присутствием. Все, кроме командующего Черноморским флотом Александра Колчака. Он просто подтвердил, что был информирован.

Это стало для государя последней каплей, он сдался и подписал отречение за себя и сына Алексея в пользу своего брата великого князя Михаила Александровича. Для истории кроме манифеста осталось ещё заявление депутата Гучкова: «Русские люди, обнажите головы, перекреститесь, помолитесь Богу. Государь император ради спасения России снял с себя своё царское служение. Россия вступает на новый путь!»

Михаилу Александровичу бремя власти показалось хлопотным, да и дочери его были больны. Лучше уехать в Крым, в Ливадию. Царская семья всегда любила эти благословенные места, настоящая российская Ницца... Он подписал отречение в пользу сына Алексея. Ему, самому последнему, телеграмму уже не посылали. Слишком много получалось манифестов. Оставалось ждать шесть месяцев до созыва Учредительного собрания, но близился октябрь 1917 года.

Отдельные командиры фронтовых частей добровольно отречению Николая не поверили и послали в Ставку телеграммы с готовностью прийти с войсками на помощь. Однако таких командиров сразу отстраняли от командования под угрозой обвинения в государственной измене. Моральное разложение армии приобретало угрожающий характер. Офицерам было разрешено вне службы носить штатское платье. Только так можно было уберечь их от произвола революционных солдат.

Сегодня известно, что отречение Николая задумывалось

как обычный дворцовый переворот и мирная передача власти. Делалось всё это во благо успокоения народа и для прекращения назревавшей народной революции. Разумеется, указывались и другие причины, говорили даже о какой-то тайной операции иностранных разведок. Похоже, что организаторы перемен позабыли, что на дворе уже стоял XX, а не XVIII век. Добротно смазанный этими событиями маховик русской истории завертелся с бешеной скоростью.

В напряжённые августовские дни 1991 года Барков в составе боевого расчёта дежурил на пункте управления. Здесь отслеживались степени готовности космических аппаратов, техническое состояние объектов полигона и готовность орбитальной группировки. Шла обычная рутинная плановая боевая работа. Иногда поступали какие-то распоряжения от ГКЧП, которые не шли дальше общих призывов и не имели практического применения. Во всей суетливости этого нового органа власти чувствовалась нервозность и неуверенность. Что же можно было думать об исполнителях?

Идея сохранения Союза ССР в армии находила активную поддержку. Поправление в сторону единой и неделимой страны в офицерской среде было значительным. Позднее, Беловежские соглашения многими офицерами воспринимались как предательство и прямая государственная измена.

Думать можно было о чём угодно. Брать на себя инициативу и действовать было нельзя. В армии всегда существовало мнение, что не дело военных вмешиваться в политику.

Пусть всё идёт своим чередом, даже смена власти в стране. Слишком велика была опасность возникновения конфликта среди тех, кто сидел за пультами управления ракет, поднимал в воздух стратегические бомбардировщики и уводил в дальние океанские походы атомоходы. Всё это могло стоить стране большой людской крови. Оставался единственный выход – надеяться на мудрость политических руководителей. Защищать следовало саму Россию, а не политическую форму её правления. Другое дело, что со сменой власти в армейском руководстве появились новые люди. С их приходом в войсковые части стали поступать популистские, непрофессиональные распоряжения. «Где же эти кремлевские суслики? – ругался начальник Баркова. – Хоть бы одно внятное политическое решение»...

Наверное, тогда многие местные военные начальники задумывались о своей судьбе. По странному стечению обстоятельств первые лица среди руководящего состава в гарнизоне на время «августовского путча» оказались в отпусках или на больничном режиме. От чрезвычайного комитета всё ещё приходили распоряжения, но параллельно пришла информация, что его члены уже отлучены от власти. Какое-то время на экранах телевизоров продолжали мелькать их хмурые серые лица. Потом сообщили, что члены комитета арестованы. На полигон прилетела московская комиссия. Начали читать документы и принялись искать заговорщиков на местах. Кого-то отстранили от должности и даже уволили

из армии. Как известно, все участники ГКЧП, впоследствии были амнистированы, а генерал армии Валентин Вареников, не принявший эту амнистию, оправдан по суду.

Баркову тогда запомнился разговор с начальником отдела штаба космодрома полковником Зотовым:

– У нас больше нет прежней Родины. Мы стоим перед пропастью...

– Кто же виноват в этом? – тихо спросил Барков.

– Конечно, не я и не вы, – резко ответил Зотов. – Виноваты люди повыше нас. Сволочи! Советский Союз – великая держава и его судьбу нельзя было доверять таким бездарностям. Между нами говоря, подполковник, Борис Ельцин – тоже птица невысокого полета. Боюсь, продадут они нашу Россию американцам. Это глубоко между нами. Теперь страну могут спасти только истинные патриоты. Их время ещё придет. Будут и у нас свои Минины и Пожарские...

Есть такая профессия

В компании своих сослуживцев Николай Барков часто любил подчёркивать, что стал профессиональным военным в четвёртом поколении. Действительно, все его предки по мужской линии исправно служили Отечеству. Не так, чтобы они сильно любили армейскую службу, но начинавшиеся войны помогали такому выбору. Кто-то из них безвестно сгинул в 1915 году на Юго-Западном фронте, другие в 1920 году преследовали отступающую Белую армию и вместе с передовыми частями красных вступили в Новороссийск. Спустя годы, его отец и дед прошли всю Великую Отечественную войну и вышли в отставку, отслужив в армии и на флоте больше 20 лет.

Конечно, тогда на фронт ушли и другие его родственники призывного возраста. Желание бить ненавистного врага считалось обычным мужским делом, а не подвигом. По-другому и быть не могло. Нормальная человеческая жизнь могла начаться только после победы. Напротив, находиться в тылу для лиц мужского пола было чем-то постыдным, хотя и там людям тоже приходилось несладко. Как и у многих других, среди его близких родственников не обошлось без потерь, гибели, ранений, тяжёлых увечий и плена.

В послевоенные годы в стране трудно было найти семью, которая не потеряла кого-нибудь из своих родственников.

Инвалиды войны с пустыми рукавами, неудобными протезами и костылями надолго стали привычной чертой налаживающейся мирной жизни. По субботам они ходили с отцом в городскую баню. Николай часто видел там страшные разогретые мужские тела, изуродованные шрамами, с укороченными ампутацией конечностями. Это была неприкрытая правда войны, которую ему тоже следовало знать. При встрече многие незнакомые люди обычно обращали внимание на орденские планки. Фронтовики тогда носили их не только на военной форме, но и на обычных гражданских пиджаках. Нашивки о ранениях, орденские планки становились важным показателем участия в минувшей войне и вызывали уважение. К слову, боевых наград на груди у фронтовиков тогда было немного, они ещё не успели потеряться среди блеска юбилейных медалей и общественных знаков последних десятилетий.

Сверстники Николая были детьми первого послевоенного десятилетия. Земля ещё не остыла после минувших сражений. Изрытая смертоносным металлом, с поросшими травой окопами и траншеями, она таила в себе невидимую смерть. Мальчишки играли в войну и мечтали о будущих боевых подвигах. Их родители были готовы пережить и перетерпеть любые трудности, лишь бы не было новой войны. Слишком много она принесла им горя.

Суровое время диктовало свои правила, и тогда среди мальчишек более всего ценились физическая сила, смелость

и преданность своей улице. Эти качества следовало постоянно доказывать в стычках с чужаками и во время походов за военными трофеями. Последнее было сопряжено с большой опасностью. Неопытные мальчишки регулярно подрывались на лежавших в земле боеприпасах, калечились и гибли. Прошедшая война получала новые жертвы, а по городу плыли красные гробы. Это пугало, но страх оказаться трусом среди товарищей был ещё сильнее. Обычно, мальчишки играли в войну между «нашими» и «фрицами». Фрицами быть никто не хотел, и тогда приходилось бросать жребий. Случалось, в ход шли настоящие, пробитые пулями армейские каски и источенные ржавчиной части стрелкового оружия. Больше всего ценились найденные штыки: русские, узкие четырехгранные и немецкие, похожие на длинные ножи. В силу своего возраста, они едва ли осознавали, что их настоящие владельцы могли находиться в земле совсем рядом. Прошедшая война жила памятью взрослых, которая будила их по ночам, заставляя снова идти в атаку и умирать. Горя тогда хватило всем такой бездонной мерой, что в народе сложилось твёрдое убеждение: эта война должна быть последней, а всё остальное можно пережить и перетерпеть.

Однажды, много лет спустя, Николай Барков оказался в архиве военно-медицинского музея в Петербурге. Ему было нужно выяснить историю одного из родственников, который после ранения и тяжёлой болезни умер в военном госпитале. Так случилось, что в архиве тогда работала Марина Кругло-

ва, с которой они когда-то служили в одном полку. С её мужем, Вячеславом, его связывала давняя дружба.

Марина тогда подготовила ему две справки, которые помогали поиску места захоронения. Так у него появлялась возможность оказаться в закрытом от посторонних глаз хранилище, охраняемом женщинами с суровыми лицами. За красивым историческим фасадом госпиталя Семёновского лейб-гвардии полка находился самый обычный питерский двор с постройками из потемневшего от времени старого кирпича. Казалось, там ничего не изменилось за последние сто лет, разве обветшало больше. То, что когда-то было построено, со временем только меняло своё назначение. Говорили, что в помещениях этой части архива во время войны находился госпиталь для выздоравливавших красноармейцев. Другое соседнее здание, похожее с виду на бывшую конюшню, приспособили под морг. По слухам, во время блокады на госпитальном дворе даже хоронили умерших.

Они вместе поднялись на второй этаж и оказались в длинном помещении, в котором плотными рядами стояли высокие стеллажи с архивными документами. Все они были аккуратно упакованы и разложены на полках в строго установленном порядке. Барков подумал, что эти документы похожи на почтовые бандероли, ожидавшие своей отправки. Нет, здесь всё находилось на вечном хранении, а люди, к которым они имели отношение, почти все давно уже умерли. Вначале располагались медицинские документы военнослужащих

получивших ранения, а чаще обморожения и переохлаждение в Зимней войне с Финляндией 1939–1940 годов. Дальше шли первичные учётные документы полевых медсанбатов периода Великой Отечественной войны. Здесь всё было подлинным: пожелтевшие и ставшие хрупкими от времени страницы медицинских карт, записки из солдатских медальонов и личные письма.

Он не удержался и попросил Марину что-нибудь посмотреть. Она положила перед ним документы, с которыми тогда работала. Николай в тот раз пережил настоящее потрясение. Показалось, что он заново открывал для себя участников этих событий. Барков увидел их совсем близко, будто знал лично. Эти люди были чем-то похожи на него и одновременно совсем другими. По крайней мере, они сильно отличались от тех, кого сегодня показывали в кино или изображали в книгах. Каждый раз получалась какая-то дистанция между реальными людьми и желанием о них рассказать. Иногда на это влияла идеология, желание что-то приукрасить или скрыть, намеренно или нет переписать окопную правду. Она всегда с трудом пробивала себе дорогу в литературе и искусстве, военную историю тоже часто переписывали. Кому-то из авторов просто не хватало смелости, таланта или профессионального чутья. Чем дальше от войны, тем меньше оставалось правды.

Совершенно точно, что в этих бумагах Барков не обнаружил ни одного героя, отливавшего монументальным блес-

ком. Там были живые люди, со всеми своими достоинствами и недостатками. Они получали повестки в армию и крепко пили, поскольку не слишком надеялись вернуться. Позднее, в письмах домой они редко клялись в верности своим вождям и вспоминали о боге. Писали, что сильно соскучились по жёнам и детям, но нужно добить врага в его логове. Из дома к ним приходили письма о пережитом ужасе оккупации, кто-то радовался уцелевшей крыше над головой, картошке, с которой можно было дожить до весны. За этими простыми строками Баркову открывалось немало страшного. Эти люди говорили о смерти самым будничным языком, её уже не боялись, к ней привыкли.

Барков тогда посмотрел на Марину и подумал, что они с её мужем Славкой, давно отслужили в армии, «навоевались», а она здесь всё ещё продолжала «воевать». Марина разбирала события 80-летней давности, по крупицам восстанавливала их и находила потерянных на войне людей.

– Тяжело тебе здесь работается?

– А как ты сам думаешь? Есть вещи, к которым невозможно привыкнуть. Иногда такие истории открываются, что мы их здесь вместе обсуждаем. Потом бывает, что и дома работаю. Если честно, то первое время даже ночью спать не могла. Нет, если можешь привыкнуть и перестанешь чувствовать, то лучше сразу уходить.

– А много приходит запросов на поиски родственников?

– Они всегда у нас есть. Другое дело, что положитель-

ных результатов всегда меньше общего количества запросов. Знаешь, у нашей работы никогда не будет конца. На территории России и других государств, где Красная армия участвовала в боях, среди упокоенных советских воинов больше четырёх миллионов остались неизвестными.

Барков долго размышлял после этой встречи. Получалось, что можно было подвергать сомнению свои десятилетиями устоявшиеся представления. Кажется, он тогда не ошибся в выборе своей профессии, люди которой не строили дома, не растили хлеб и не учили детей. Они умели только воевать, и это было нужно их стране. В глубине своей души он всегда оставался сугубо штатским. Другое дело, что в сложной обстановке в нём просыпался совершенно другой человек, который каждый раз заставлял его действовать по-военному быстро и безошибочно. Говорят, что такое качество в командирах ценили подчиненные, им больше доверяли. В армии всегда кто-то должен брать ответственность на себя.

Тем не менее, выбор Николая стать военным можно было считать во многом случайным. Не служба Отечеству влекли его, осознание долга пришло к нему значительно позже. Пожалуй, на его решение больше повлияло желание стать независимым и самостоятельным. Учёба в военном училище позволяла быстро это сделать. Не последнюю роль сыграло и его желание выглядеть старше. Военная форма сразу делала взрослее года на два, и это добавляло шансов в отношениях с девушками. К тому времени у него уже имелся опыт безот-

ветного чувства к одной юной особе, которая обращалась с ним как с неоперившимся мальчишкой. Неудивительно, что из всех литературных классиков ему тогда ближе всех был Михаил Юрьевич Лермонтов. Николай на собственном опыте познал страдания поэта из-за невысокого роста, юношеской угловатости и жестокости неразделённой любви к светской красавице Катеньке Сушковой.

Своё решение поступать в Ростовское высшее военно-инженерное командное училище он тогда представил как поездку на Кавказ в действующую армию, под пули жестоких горцев. Это было не самым умным решением, но оно действительно возымело действие на предмет его обожания, юную очаровательную Наташку. Девушка пришла провожать Николая на вокзал со слезами на глазах. Там они поцеловались и обещали друг другу писать письма. Ничего путного из их романа не получилось. После окончания военного училища Николай уехал на южный космодром один, а она через год вышла замуж за моряка дальнего плавания.

Его юность до службы в армии прошла в небольшом портовом городке на берегу тёплого Чёрного моря, где каждый мальчишка мечтал стать отважным капитаном. К тому времени отец Николая вышел в отставку и устроился преподавателем истории в местную мореходную школу. Его новые коллеги нередко заходили к ним домой и во время долгих дружеских застолий рассказывали о своих приключениях в морских походах и далёких странах. Николай слушал их увле-

кательные монологи затаив дыхание. Неизвестно сколько в этих рассказах было правды и вымысла, но профессия моряка у Николая постепенно превратилось в мечту. Наверное, в этом не было ничего дурного.

В жизни у него получилось иначе. Всю свою долгую армейскую службу Николай провёл в пустыне возле высыхающего Аральского моря. Суда по нему тогда почти не ходили, они лежали на потрескавшейся, седой от соли глинистой поверхности. Вокруг них волнами двигались пески. Водная поверхность моря с каждым годом уменьшалась в размерах, и с борта самолёта была похожа на закрывающийся веками синий глаз.

Ещё в пятом классе Николай записался в свой первый яхт-клуб «Буревестник». Юные покорители морей учились грести на шлюпках и терпеть недетские физические нагрузки. В те годы много внимания уделялось подготовке молодёжи к военной службе. Потом они перешли на швертботы-моно-типы «ёрш». Такие яхты в клубе считались самыми простыми. Широкий, с небольшим выдвижным килем и угловатым шпангоутом парусник показался ему тогда очень тяжёлым. Ходили на них вдвоём. Скоро хождение под парусом у Николая закончилось: увлечение рисованием победило всё...

Уже в Петербурге, оказавшись возле будущего Лахта Центра, Баркова сразу же потянуло в местный яхт-клуб к его ослепительным белоснежным красавицам. Он не удержался и попробовал себя в виндсерфинге. Место для этого в Нев-

ской губе оказалось удобным: не слишком глубокое, с ровным песчаным дном. Обнажённая в часы отливов, поверхность дна сохраняла волнистый рисунок движения воды и следы чаек, которые большим числом гуляли по отмелям. Их запутанные песчаные письма напоминали древние манускрипты. Наверное, они тоже пытались рассказать ему о море...

Как же он мог сегодня забыть этот день? Берег Чёрного моря, яркое солнце слепит им глаза. Они с Наташкой уехали на палубе греческого сухогруза «Barbarino», выброшенного на берег после сильного шторма. Металл раскалённой палубы жарил пятки лучше любой сковородки. Они жались в крохотную тень у самой кормовой рубки, но не уходили с судна. В его тёмных трюмах плескалась вода. Она свободно входила туда через большую пробоину в ржавом борту. Корпус судна давно оброс лохматыми бурыми водорослями, над которыми пёстрыми бабочками кружились мелкие рыбки, фиолетовыми гроздьями свисали мидии. Там, в глубине, было хорошо и прохладно. Николай с нежностью посмотрел на лохматую голову Наташки, потом осторожно перевёл взгляд на её острые загорелые коленки.

– Хочешь, я достану тебе большой рапан, величиной с чайное блюдце? Ни у кого такого не будет, только у тебя.

– Врёшь ты все. Таких ракушек у нас не бывает.

– Есть, я сам их видел. Не веришь? Правда, далеко отсюда.

Вон там, возле самого маяка.

– На глубине всё кажется большим...

Наташка – черноволосая, худенькая девчонка с большими синими глазами. Она дружила только мальчишками и ни в чём им не уступала. За это ей в их компании многое разрешилось. Наташка не без оснований считалась самой красивой девчонкой Кривой Балки. С её отцом, обрусевшим греком, они несколько раз вместе выходили в море за ставридой. С тех пор он всегда улыбался ему при встрече. Николай и сейчас помнил его покрытые татуировками и шрамами крепкие рабочие руки.

С берега это место выглядело немного ближе. Плыть туда получалось больше четверти часа. Наконец, он толкнулся тяжёлыми ластами и плавно ушёл вниз, словно таинственное фантастическое существо, человек-рыба. На какое-то время здесь можно было забыть об отсутствии жабр, легко парить и представлять себя частью живого моря. Это даже немного помогало Николаю. Тело в воде становилось послушнее, а его движения сильными и уверенными. У него словно выросли плавники и хвост...

Морское дно под ним было песчаным, с уклоном, уходящим в голубую неизвестность. Гребнями поднимались скалы, идущие сюда от самого берега. Где-то в стороне от него серебристыми тенями скользила стая кефали. Любопытная рыба сделала большой круг и остановилась, разглядывая нового подводного пловца. Получалась хорошая позиция для выстрела. Так всегда было, когда рядом не оказывалось под-

водного ружья. Пусть плывут дальше, сегодня ему не до них...

Николай быстрыми мелкими глотками постарался выровнять давление, но в переносице и в ушах оно жало всё сильнее, остановить нарастающую боль было невозможно. Медленно работая ластами, он пошёл дальше почти вертикально вниз. Больше никаких резких движений, на глубине даже сердце стучало реже. До заветных камней оставалось совсем немного. Ещё один дюйм, последний и самый трудный. В ушах у него стоял какой-то звон, он последним усилием оторвал от скалы тяжёлые ракушки и прижал их к груди, как самое бесценное сокровище. Неожиданно в голову пришли слова песни, которые добавили ему сил:

Тяжёлым басом гремит фугас,
Ударил фонтан огня.
А Боб Кеннеди пустился в пляс.
Какое мне дело
До всех, до вас?
А вам до меня!...

Теперь можно было спокойно подниматься. Где-то наверху вода и солнце весело играли серебряными бликами. Помогая себе ластами, Николай как пробка выскочил на поверхность: в лёгкие ворвался долгожданный воздух. Наташка потом говорила, что его не было довольно долго.

Обратно Николай плыл уже на спине, так в воде было

удобнее работать с грузом. Синий и дрожащий, он неловко забрался на горячую палубу и положил перед Наташкой две раковины. Они оказались большими, как настоящее чайное блюдце. У этих ребристых раковин внутри была нежная розовая перламутровая поверхность. Совсем, как девичье тело в скрытых от загара местах...

Наташка помогла ему снять маску. В ней осталась его кровь. Николай до самой глубокой осени не мог нырять. Впрочем, в тот год это расстраивало его меньше всего. Потом они встретились с Наташкой спустя 18 лет на Софийской улице у старой кирхи. Сказать, что это получилось у Николая случайно, было нельзя. В тот день он снова увидел свою раковину на её столике у большого зеркала. Она лежала на видном месте среди кораллов и прочей сувенирной экзотики далёких южных морей. Николай взял раковину и приложил её к уху. Ему послышался ровный шум приближавшейся волны: «Ты помнишь наше море?» Наташка только улыбнулась. Она помнила всё...

Барков открыл глаза. Нет, это не возвращается. Песок в пустыне движется медленно и бесконечно. В этом заключалась какая-то восточная мудрость, но приходил человек и нарушал эту вечность. Он сделал себе песочные часы, и всё обретало свой конец. Тонкая струйка песка в стеклянной воронке быстро заканчивалась, и не было больше этой вечности...

Несимметричный диметилгидразин или НДМГ. Так пол-

ным титулом на космодроме называли ракетное топливо, «гептил» – бесцветную прозрачную жидкость с противным запахом тухлой селёдки... Пуск опять отложили, шёл слив компонентов ракетного топлива. Боевой расчёт, одетый в изолирующие противогазы и войсковые комплекты химической защиты аккуратно перебирал заправочные рукава. Жарко, все чувствовали себя в защитных комбинезонах плавающими в собственном поту, как в болоте. Нужно было слить топливо, до самой последней капли. Опасны даже его самые лёгкие пары – коричневатый, тающий на воздухе дым. Каждый заправщик хорошо знал симптомы такого отравления. У человека слезились глаза, начинался кашель, тошнота и боль в груди. А ещё, токсичное топливо било по нервной системе, и тогда происходило возбуждение, «глюки». За долгие годы компоненты топлива прочно всосались в окружающий песок и чахлую растительность. Здесь всё отравлено на долгие годы...

Был ли у него в этой жизни праздник? Или он уже в том, что он всегда жил полной меркою, без остановок. Что его где-то ждали, что был нужен и без него не обойдутся. Страшнее, когда вокруг наступали покой и пустота...

Курсанты

Сердце Николая сжималось, когда под сочно щёлкающие звуки машинки на пол скатывались его тёмные волосы. Он словно менял свою кожу и становился другим. Теперь из зеркала на него смотрел незнакомый юнец, с круглой головой и большими оттопыренными ушами...

Это был самый крутой поворот в его судьбе. Ещё недавно они с друзьями беззаботно подметали приморские бульвары расклешёнными брюками и гордо носили прически в стиле своих кумиров из далёкого Ливерпуля. Кто же тогда мог подумать, что они надолго свяжут свою судьбу с армией? Барков и сейчас хорошо помнил, как однажды, тёплым июльским вечером, они вместе сели в плацкартный вагон и отправились в Ростов-на-Дону поступать в военное училище. Их было тогда шестеро. Его попутчики говорили какие-то умные и важные слова о профессии офицера, о своём патриотическом долге. Николай ничего этого про себя не чувствовал. Ему даже стало неловко, что в кругу таких достойных людей он занял чужое место. «Если кто-нибудь из нас и поступит, то это, точно, буду не я», – решил он. У него получалась увеселительная ознакомительная прогулка перед осенним призывом в армию. Самое удивительное, что из всей этой компании в училище тогда поступил только он один.

Отбор кандидатов в Ростовское военное училище похо-

дил на многоуровневое сито, где собирали благородный металл и отбрасывали пустую, ненужную породу. Баркову запомнилось заполнение первой в его жизни анкеты. Объясним, что можно было не знать о своих родственниках, вынужденно оказавшихся на оккупированной территории, в плену или за где-то границей. В любом случае писать об этом в анкету не стоило. Совсем не важно, что таких людей тогда было почти половина населения страны. Выходило, что всем им почему-то не доверяли. Училище готовило офицеров для Ракетных войск стратегического назначения. Для службы на таких режимных объектах анкета должна была быть абсолютно чистой. Значит, кому-то из них следовало отказаться от части своей биографии. Многие из кандидатов принимали такие правила игры, писали туда, чего было нужно. Это, как договор с государством, жить по предложенному им стандарту.

Вступительные экзамены Николай сдал довольно легко, набрав нужный для прохождения конкурсный балл. Неприятности случились позже, когда Барков их совсем не ждал, на отборе кандидатов по состоянию здоровья – военно-врачебной комиссии. До этого он без малейших проблем проходил такие проверки в своём родном городе и краевом центре. Николай засыпался в самом последнем медицинском кабинете, у врача-терапевта. По-видимому, от волнения артериальное давление у него резко скакнуло вверх. «Как же вы кроссы бегать будете в училище, молодой человек?» –

спросила у него врач, пожилая женщина. Николай принялся объяснять, что он занимался лёгкой атлетикой, и повышенные физические нагрузки ему помехой в училище не станут. Врач не сделала никаких записей в медицинской карте и предложила ему успокоиться, а потом зайти в кабинет ещё раз.

Нужно сказать, что сдача экзаменов и медкомиссия тогда проходили в летних лагерях на берегу Дона. Быстро оценив обстановку, Николай решил приводить себя в порядок в водах Тихого Дона. Полежав там с полчаса, синий и дрожащий от холода, он снова явился в кабинет врача. Осмотр показал, что давление у него упало, а пульс почти не прощупывался, как у утонувшего человека.

– Вы так сильно хотите поступить в военное училище?

– Обратной дороги у меня нет, доктор. Лучше опять в воду. Домой я, точно, уже не поеду...

Терапевт рассмеялась и, махнув рукой, подписала ему медицинскую карту: «Годен...»

Теперь он курсант Ростовского высшего командно-инженерного военного училища имени Митрофана Ивановича Неделина. Наконец, им выдали военную форму. Это была не нынешняя, кроенная по натовским стандартам мешковатая роба. Они примеряли самые настоящие гимнастерки с курсантскими погонами и высокие яловые сапоги, которые носило не одно поколение русской армии. Напрасно многие из них сразу старались приобрести вид бывалого служаки. Всё

это, конечно, тоже пришло, но гораздо позже. Стриженные под машинку, в одинаковой форме, они стали очень похожи, словно кто-то большим ластиком стёр всю их индивидуальность. Сейчас курсанты поставлены в общий строй и превратились в однообразную массу защитного цвета. Оттуда Баркову виден только чужой затылок или грудь четвёртого стоящего справа. Строй качнулся, и волею одного человека двинулся вперёд, словно огромная мохнатая гусеница. Новые сапоги через полчаса превратили строевые занятия в настоящую пытку, но все терпели её до самого конца.

Вдоль строя неторопливо прохаживался замкомвзвода, сержант Маркелов. Волею судьбы в жилах сержанта кровь донецких шахтеров смешалась с цыганской, превратив его в сгусток бешеной энергии. Маленькая фигурка Маркелова являла собой совершенный образец строевой выправки, а сверкавшие круглые карие глаза не сулили новобранцам скорой пощады. Так оно и случилось в дальнейшем.

Со слов своего младшего командира, курсанты поняли, что раньше тратили время зря и ничему не научились в жизни. Теперь из них обещали сделать настоящих людей, защитников Родины. Многие требования сержанта сразу вызвали стойкое неприятие и показались молодым курсантам бессмысленным издевательством. У Николая, с его обострённым чувством справедливости, это и вовсе, вызывало болезненный протест. Армейская служба с её бесконечной муштрой подавляла и угнетала его совершенно. В казарменном

помещении военнoслужашему было невозможно уединиться даже на одну минуту. Специальными наставлениями всё расписывалось до мелочей, даже положенное количество вещей в прикроватной тумбочке. Число полученных нарядов на вечерние и ночные работы у Николая катастрофически зашкаливало, что только добавляло парадного блеска умывальнику и туалетной комнате. Это притом, что бессонницей среди курсантов никто не страдал. Было тогда о чём задуматься. Даже отец, в прошлом профессиональный военный, с большим сомнением относился к его желанию стать офицером, считая своего сына глубоко штатским человеком, совершенно неспособным к воинской службе. Нужно сказать, что в военные училища во все времена шла далеко не самая обеспеченная и привилегированная часть молодежи. Многие молодых людей просто привлекала сама возможность получения достойного высшего образования на государственном обеспечении. Как следствие, курсанты, не имевшие серьёзных семейных военных традиций, в новой среде быстро ломались и начинали искать пути для увольнения из армии.

По мере того как гражданский дух выходил из молодых курсантов, отношение командиров к ним стало постепенно меняться. Нет, это были не равные отношения, но в них появилось больше уважения и товарищества. Особенно заметно это стало с началом планового учебного процесса, с его зачётами и экзаменами. У многих сержантов, пришедших в учебные подразделения из армии, общеобразователь-

ная подготовка заметно хромала. Как-то рассматривая пожелтевшие фотографии этого времени, Барков заметил, что они с сержантом Маркеловым на снимках часто оказывались рядом. Со временем их отношения переросли в дружбу, несмотря на различия в служебном положении, характере и возрасте. Он подумал, что без его поддержки, едва ли тогда смог продолжить свою учёбу в военном училище.

Порой, навязчивая организация жизни по уставам и инструкциям, имела свою полезную оборотную сторону. Она приучила курсантов к чёткому внутреннему порядку и требовательности к себе, привычке толком организовать любое порученное дело. Даже занятия спортом, необходимые для преодоления больших физических нагрузок, со временем становились частью повседневного образа жизни. Венцом учебных занятий была штурмовая огневая полоса препятствий и марш-броски с полной армейской выкладкой. В этом всегда присутствовало что-то из области психологии. Любому курсанту здесь требовалось делать усилие над собой. После этого можно хоть в огонь, хоть в воду. Особенность марш-бросков заключалась в том, что кроме выполнения индивидуального норматива в зачёт шло и общее время учебного взвода. Это значит, что отстававших в учебном подразделении быть не должно, их на бегу тащили за собой на поясных ремнях. У ослабевших курсантов сослуживцы забирали и несли автоматы. Барков помнил, что он тоже помогал так своему товарищу. Желание и возможность по-

мочь, даже прибавили ему сил. Ноги сами начинали попадать в такт игравшему задорную польку оркестру. Помогая ему, Барков пересёк заветную черту финиша. Они оба тогда уложились в заданный норматив.

Как здесь не вспомнить изнуряющие своей монотонностью занятия по строевой подготовке. Ею с курсантами занимались специальные строевые офицеры. На первом году всех готовили по общевойсковой практике, и поэтому особое внимание уделялось заучиванию уставов и исполнению строевых приёмов. Два раза в год, в марте и сентябре, началась общая ежедневная многочасовая подготовка к военному параду, в котором непременно участвовало их училище. Курсанты – ракетчики были любимцами в городе, и военные парады с их участием собирали немалое количество зрителей на центральной площади. Её облик определяло здание драматического театра, похожее на циклопический трактор – довоенный шедевр эпохи конструктивизма. Украшенный кумачовыми транспарантами и огромными портретами вождей, город встречал очередную годовщину Великого Октября. На Театральной площади застыл развёрнутый парадный строй воинских частей гарнизона. В полной тишине над площадью раздалась команда: «Парад, смирно! К торжественному маршу, поротно, дистанция на одного линейного»... «Первый батальон прямо, остальные направо!.. «Равнение на право, шаг-м – марш!»

Началась главная часть военного праздника – торжествен-

ное прохождение батальонов. Оркестр выдвинулся на свою позицию, скорым строевым шагом заняли места на площади линейные. Всё это отработывалось на многочасовых тренировках до автоматизма. Вот уже и их батальон единым движением впечатывал свой шаг в асфальт, сверкали на солнце сабельные клинки, развивалось на ветру боевое красное знамя. Сколько восторженных глаз и романтических надежд обещали курсантам такие праздники! Барков шёл третьим справа в последней шеренге своего батальона. Ему казалось, что все вокруг смотрели только на него. Сам, он, вообще ничего не видел, кроме двигавшейся впереди него шеренги. Николай старательно тянул вверх подбородок, косил глаза на своих соседей слева и справа, чувствовал их надёжные локти. Кажется, потом всем им объявили благодарность от командующего округа...

Даже спустя многие годы выпускники училища узнавали друг друга по манере говорить и военной выправке. Они превращались в особую, уважаемую касту людей в обществе, они были офицерами и теперь оставались ими до конца своих дней.

Со временем, учебные занятия из классов всё больше переносились на учебную и боевую технику, учебно-технические базы и полигоны. Курсантов готовили к службе в частях ракетных войск стратегического назначения с особыми группами допуска и боевым дежурством. Тогда это была главная ударная сила войск, ядерный щит сдерживания и защи-

ты страны. Их учили серьёзно и основательно, поскольку ответственность здесь была очень высока. Ракеты по характеру их эксплуатации – оружие коллективное. За просчёты и оплошности на технических позициях и стартовых комплексах ракетчики платили не только собственной жизнью, но и жизнью своих товарищей. Наконец, от этого зависела способность расчёта выполнить важную боевую задачу.

С каждым учебным курсом напряжённость занятий возрастала. Свободного времени оставалось совсем немного. Нередко это приводило к тому, что отдыхать интересно и пользой для своего культурного уровня, курсанты не слишком умели. Денежное довольствие курсанта первого курса едва превышало 4 рубля, а концу учебы составляло около 15 рублей в месяц. Даже в то время это были очень небольшие деньги, которых едва хватало на самые дешёвые сигареты и пирожки в курсантской чайной. Кормили в училище сытно, но есть хотелось всегда, до самого конца учёбы. Кому-то деньги высылали родители, но чаще всего, курсанты зарабатывали их сами на овощных базах и разгрузке вагонов. После такого «отдыха» в увольнении учёба на занятиях не слишком шла в голову, на последних рядах в лекционных залах курсанты откровенно спали. Зато после этого можно было смело идти в очередное увольнение отдыхать, словно Крёз сорить деньгами в местных пивных, приглашать девушек на танцы и позволять себе прочие незатейливые развлечения того времени. Кто-то из курсантов ходил в филармо-

нию, но таких было не много. Ближе к выпуску их стали чаще приглашать в другие местные учебные заведения на вечера. К таким «выходам в свет» им, будущим офицерам, следовало серьёзно готовиться, как к настоящему балу.

Особое внимание курсанты уделяли своей военной форме и умению её носить. Это последнее, всегда ценилось в армии очень высоко. Выданное повседневное обмундирование, парадную форму и шинель всегда тщательно подгоняли по фигуре, старались придать нужный вид головным уборам, погонам и нашивкам. Но и это было ещё далеко не всё: будущему офицеру следовало уметь «правильно вести себя в обществе». В этом отношении курсанты, пришедшие с «гражданки», по-доброму завидовали выпускникам суворовских училищ, у них всё это было уже в крови. Баркову пришлось провести немало времени перед зеркалом, чтобы научиться отдавать воинское приветствие легко и с некоторым изяществом, «по-офицерски». Манеры и стиль своего поведения они искали у своих курсовых офицеров, иногда откровенно копировали их.

Находясь в обществе, не следовало позволять себе бурно выражать эмоции. Движения курсанта в танцевальном зале должны быть уверенны и несколько медлительны, в лице непременно изображалась холодность и скука. Всё это означало «уметь произвести нужное впечатление». По счастью, курсантов вне основной учебной программы и совершенно бесплатно обучали танцам. Для этого в училище регулярно

приглашали девушек из культурно-просветительного училища. Занятия не были обязательными, но многие курсанты с удовольствием посещали их, и потом на всех вечерах могли выглядеть вполне достойно. Преодолевая стеснение и неловкость, Барков тоже посетил несколько таких занятий, после которых научился сносно вальсировать со своей рыженькой партнёршей.

Военная форма обычно диктовала вполне определённый стиль поведения. Получалось так, что военнослужащие практически никогда не садились в общественном транспорте, дабы не подсакивать постоянно в присутствии женщин или пожилых людей.

В те времена гарнизонная военная комендатура отличалась особой строгостью. Среди курсантов устойчиво ходили слухи об установлении неких планов на количество задержанных в городе солдат и курсантов. Получить замечание и запись в увольнительную записку можно было за любую мелочь. В военной форме, например, не приветствовалось даже ношение каких-либо авосек или сумок вольного гражданского покроя. Вследствие этого, многие вообще старались избегать хождения по центральным улицам города, чтобы не отдавать воинскую честь офицерам и не получать замечания от патруля. В случае последнего, курсанта могли надолго лишиться увольнения в город.

Однажды, к Николаю Баркову на первом курсе приехала матушка. Он получил увольнение, и они вместе отправились

бродить по городу. На Будёновском проспекте его задержал патруль за не отдавание воинского приветствия и прервал ему увольнение. Нужно было немедленно возвращаться обратно в училище. Матушка со слезами просила начальника патруля не делать этого, но офицер оставался непреклонен. Николаю было ужасно стыдно и обидно, но извиняться и просить офицера он не стал.

Барков учился довольно прилично, но требования воинской дисциплины у него плохо сочетались с неуёмной жаждой новых приключений и романтических походов. Следовало отметить, что курсанты училища неизменно пользовались благосклонностью местных донских барышень. Это нередко кружило головы молодым людям в военной форме. Некоторые курсанты гордились чередой сменяемых знакомств с девушками, порой бывали не слишком разборчивы. Как-то раз, Николай вместе со своим другом однокурсником Владимиром Мыльниковым отправились провожать своих фабричных подружек, живших на окраине города. Что-то не сложилось, и они не пригласили их к себе домой. Взятое с собой спиртное, курсанты выпили прямо на тёмной улице, потом вспомнили, что уже опоздали в училище.

По совокупности, за оба нарушения воинской дисциплины, они с другом получили по трое суток ареста и были препровождены на гарнизонную гауптвахту. Сырые, холодные камеры с узкими лавочками, на которых не то, что лежать, сидеть нормально нельзя; деревянные щиты «вертолёт-

ты» для короткого ночного сна, а самое главное решётки и часовые с автоматами, всё это показалось им самой настоящей тюрьмой, Трубецким бастионом Петропавловской крепости. Володя Мыльников, без всякой надежды, взывал к гуманности и просил для себя в камеру «перо, бумагу и чернил». Он хотел записать свои новые стихи, в которых каялся и благодарил «суровых стражников сырой темницы за спасение его души».

Девочки фабричные узнали об их аресте и принесли им передачу. Дежурный офицер на гауптвахте принять их отказался, о чём с иронией сообщил наказанным курсантам: «Пришли сюда, с горячей картошечкой и солёными огурчиками, вертихвостки крашенные. Да ко мне жена сюда не ходит, сроду такого не видел. А вам, добрые молодцы, надо было раньше закусывать!»

Такой встряски Баркову и его другу хватило до самого выпуска. Подобных проступков он больше никогда не совершал. Происшедшее, заметно сблизило вчерашних арестантов. Однажды, уже как очень близкому другу, Мыльников рассказал ему, что является потомком старейшего княжеского рода Юсуповых и «того самого», Феликса Юсупова, который участвовал в убийстве Григория Распутина. Будто, мать ему про это подробно рассказывала. Насколько такая версия соответствовала действительности или была плодом творческой фантазии юного поэта, установить было невозможно. В любом случае всё это произвело должное впечат-

ление на Баркова. В те времена никто о себе ничего подобного не рассказывал. Возможность пребывать в друзьях у отпрыска княжеского рода льстила его самолюбию.

Каждое утро командованию училища шёл подробный доклад обо всех происшествиях. Нередко такие сообщения были похожи на горячие фронтовые сводки. Они пестрели известиями о драках военнослужащих с курсантами речного училища, уличных дебошах и пьянстве. Арест и гауптвахта в таких случаях были самым меньшим наказанием. Можно предположить, что этим курсанты заметно портили училищу общие итоговые показатели в гарнизоне. Реакция командования всегда была взвешенной и хорошо продуманной. Возможно, именно с этой целью в училище регулярно объявлялся холерный карантин, который изолировал курсантов в казармах на долгие месяцы.

Оказавшись отрезанными от мира высоким забором с колючей проволокой, курсанты просто изнывали от безделья в выходные дни. Молодые здоровые организмы требовали действия, и они придумывали для себя довольно необычные мужские развлечения. На курсе нашлись боксёрские перчатки, и было решено организовывать поединки. Далее принимались меры, чтобы привести возможных соперников к желанию выяснить свои отношения в «честном бою». Для этого не гнушались лжи и разного рода сомнительных сплетен. Случилось так, что и Николая Баркова тоже столкнули со своим однокурсником именно таким, самым бессовестным

образом. Когда все слова были сказаны, для защиты своей чести и репутации оставалось одно последнее средство – поединок. В случае отказа от него соперников могли публично объявить трусами и подвергнуть обструкции. Такое всеобщее осуждение любому курсанту было вынести трудно.

Его соперником оказался Виктор Новицкий, вполне подходивший ему по росту и весовой категории. Нельзя сказать, что они были близкими друзьями, но и сильной неприязни друг к другу тоже не испытывали. Правда, Новицкий отличался довольно вздорным и заносчивым характером. Этот рыжеватый, с узкими злыми глазами юноша, умел на ходу придумывать эпиграммы и обидные прозвища своим сослуживцам, которые потом быстро и прочно прилипали к адресатам. Похоже, что на этот раз его решили немного проучить руками Баркова. Некоторые другие курсанты утверждали, что причина этого поединка была связана с историей какой-то прекрасной незнакомки, студентки архитектурного факультета РИСИ. К чести лиц, посвящённых в эти таинственные обстоятельства, имя девушки никто вслух не упоминал.

Бой назначили в комнате для курения, где всё тонуло в сизых клубах табачного дыма. Собравшаяся на бесплатное представление публика жалась к стенам. Поединок начинался с соблюдением всех установленных правил. Вначале они оба публично подтвердили, что не намерены прощать так просто обиду, и заявили о своей готовности драться. После

объявления правил поединка они, приняв боевую стойку, начали кружить в центре комнаты. Бой шёл как-то вяло, но нанося друг другу по нескольку чувствительных ударов и подбадриваемые азартными зрителями, «дуэлянты» разошлись не на шутку. После нескольких пропущенных ударов, у Новицкого получилось рассечение, из носа хлынула кровь. Бой был прекращён по обоюдному согласию к исходу второго раунда. Баркову после поединка пришлось более недели ходить с синяком под глазом и оправдываться перед командирами из-за его появления: «Ничего личного, это же просто спорт!»

Кроме этого на курсе были ещё и две спортивные шпаги, принесённые из увольнения местным курсантом Александром Векlichem. Однако такой способ выяснения отношений особого развития не получил по причине недостатка навыков фехтования. Спустя две недели весь этот спортивный инвентарь у курсантов изъяли, а поединки в казарме были категорически запрещены под угрозой отчисления из училища.

Вот уж где, как не «сидя на карантинах», курсанты учились эпистолярному жанру, вдохновенно сочиняли письма своим близким и особенно девушкам. Содержанием переписки часто становились их мысли и чувства, в ней открывали душу, радовались, смеялись и плакали.

Письмо для военного всегда значило много, это была его духовная связь с далеким родным домом, любимым и до-

рогим человеком. Иногда курсанты для этого даже помогали друг другу писать стихи. Особой популярностью пользовались карандашные рисунки, сделанные с фотографий. У Баркова даже устанавливалась очерёдность на исполнение таких заказов от сослуживцев. С этим был связан один курьёзный случай. Сидя на занятиях, Баркову как-то пришло в голову изобразить шарж на своего командира учебного взвода капитана Конова. Уважаемый своими подчинёнными командир, получился похожим на волка из популярного мультфильма. Удачный шарж был неосторожно отправлен автором по рядам сидевших курсантов: самолюбие художника требовало немедленного признания. Оно действительно наступило, когда рисунок неожиданно попал руки самому капитану Конову. Изображённый волк ему понравился, и он заявил, что забирает его на память «о своих зайцах». Будучи человеком весёлым и открытым, Конов показал этот рисунок начальнику курса. К несчастью, дальше всё было расценено как злостный подрыв авторитета командиров.

Спустя много лет Барков с удивлением узнал, что его курсовой офицер, впоследствии старший преподаватель кафедры Анатолий Викторович Конов, всю свою жизнь писал стихи, стал автором поэтических сборников, посвящённых непростой службе ракетчиков и марша родного Ростовского училища.

Повествование о курсантах было бы неполным без рассказа о самом необычном сокурснике, Игоре Золотницком.

В училище он пользовался особыми негласными привилегиями, как сын высокопоставленного аппаратного чиновника из состава военного отдела ЦК КПСС. Для удобства обучения и воспитания всех отпрысков высоких начальников свели в одно учебное подразделение. Там они жили по отдельному распорядку дня, свободно ходили в увольнения и были несчастьем для своего командира.

Золотницкого, или как его здесь все называли, Игорька, на курсе невзлюбили сразу и крепко. Случилось так, что он дошёл до слёз молоденькую преподавательницу немецкого языка Инну Павловну, нагло заявив, что «его мать вытащила её из грязи, а она теперь пытается делать ему какие-то замечания». Бить тогда его сослуживцы не стали, но серьёзно предупредили о возможности такого исхода.

Инночку в училище любили все. Курсанты даже спорили между собой, кто сегодня будет ей докладывать о готовности учебного отделения к занятиям. В момент очередного дежурного доклада, она всегда сильно краснела и скромно опускала глаза. При миниатюрных размерах Инночки, даже самый тщедушный курсант чувствовал себя рядом былинным богатырём. Для Инночки они рвали на клумбах цветы и писали любовные записки. На весь период обучения вокруг Золотницкого образовался вакуум недружелюбного молчания. Игорёк платил окружающему его «плебейскому большинству» холодным презрением.

Тут, наверное, следовало рассказать, чем занимался на

лекциях Игорёк, шуплый юноша в очках с массивной опра-
вой. Он постоянно что-то записывал в свою большую чёр-
ную тетрадь, похожую на старинную амбарную книгу. Иго-
рёк мог часами оставаться неподвижным, хмурить брови и
смотреть в потолок. Однажды, он с важностью сообщил Бар-
кову, что пишет научно – фантастический роман и предло-
жил его посмотреть. Похоже, Игорёк не случайно остановил
на нём свой выбор. К тому времени Барков числился нештат-
ным корреспондентом училищной многотиражки и имел две
публикации в окружной газете «На страже Родины».

Баркову было любопытно, и он принялся разбирать коря-
вый почерк автора, пытаясь вникнуть в содержание его тет-
ради. Плотные исписанные листы не поддавались. К своему
стыду, Барков совершенно ничего там не понял. Это была
какая-то мудрёная смесь философских рассуждений о выс-
шем космическом разуме и истории управления мира суще-
ствами особой избранной породы. Признаваться в своей пол-
ной неспособности было как-то неловко, и он невнятно про-
мямлил, что такая книга не для всех, но она наверняка най-
дёт своего читателя среди тех, кто разделяет основную фило-
софскую концепцию автора. Игорёк внимательно выслушал
и одобрительно кивнул головой. Потом заметил, что его ли-
тературный труд требует более вдумчивого чтения и специ-
альных философских знаний о строении мира, происхожде-
нии и эволюции жизни, смысле и цели существования чело-
вечества. Главная цель его книги – в увлекательной популяр-

ной форме подготовить человека к будущей встрече с космическими энергиями на этапе переходного периода. В общем, после такого глубокого авторского пояснения, Барков стал понимать ещё меньше.

Судьба снова столкнула их уже на последнем курсе. Приближался выпуск, Золотницкому срочно требовалась рекомендация комсомольской организации для вступления кандидатом в члены КПСС. Это связывалось с его будущей должностью. Барков был секретарём бюро ВЛКСМ курса и поэтому получил накануне комсомольского собрания соответствующий инструктаж. В кабине начальника курса он отмолчался, хотя точно знал, что будет голосовать против Золотницкого. Комсомольское собрание тогда проводили дважды, и каждый раз ему отказывали. Игорьку ничего не забыли. Комсомольцы курса были против дачи рекомендации, несмотря на сильное давление со стороны командиров и политработников.

В училище назревал неприятный скандал, с курсантами беседовали индивидуально, намекали, что у каждого из них скоро будет выпуск и распределение. В рядах курсантского сопротивления больше не было прежнего единства, начались разброд и шатания. Всё чаще стали слышны голоса, что пора уступить отцам – командирам, что курсанты свою настоящую силу уже показали. И вообще, не надо было братья за оружие. Перед последним, третьим комсомольским собранием, Баркова намеренно поставили во внутренний наряд.

Потом, без него, большинством голосов, провели нужное решение. «Дальше Кушки не пошлют, меньше взвода не дадут», – смеялись курсанты и шли в ленинскую комнату изучать политическую карту СССР. Дорога на южный космодром для многих стала ближе. Никакого «разбора полётов» после собрания не было, скандал старались поскорее забыть.

О Золотницком рассказывали, что он продолжил свою службу в центральном аппарате МО, а позднее, представлял военное ведомство при дипломатической миссии в Ливии. После выхода в отставку Золотницкий возглавил в столице одну из известных телекомпаний.

Ещё на первом курсе Николая потянуло в библиотеку училища. Фонд у неё был достаточно обширен, но многие интересные книги выдавались только для читального зала. С некоторого времени всё его свободное время стало проходить именно там. Своё чтение он начал с потрясающих дневниковых записей юного Льва Толстого, затем пришёл черёд полного собрания сочинений Александра Куприна. Николай читал русскую и зарубежную классику запоем, но совершенно бессистемно, выбирая книги по какому-то своему внутреннему чутью.

Это не осталось без внимания некоторых сотрудников библиотеки, в частности самой юной, Светланы или Светика, как её называли между собой курсанты. Светлана была девушкой строгих правил и умело скрывалась от назойливых мужских взглядов за стёклами своих тонких краси-

вых очков. Она первая предложила ему длинный список литературы для чтения. Это сблизило их, и они продолжили встречаться за стенами родного училища. Николай и Светлана много времени проводили вдвоём, посещали драматический театр и филармонию, но не строили серьёзных планов на будущее. Так продолжалось до самого окончания учёбы. Наступил момент, когда получив назначение на космодром Байконур, Николай посчитал себя обязанным сделать Светлане предложение. Взяв тогда время на раздумье, она отказала ему, сославшись на свою неготовность к жизни в дальнем гарнизоне. Через год Светлана стала женой другого выпускника, продолжившего свою службу в стенах училища в качестве курсового офицера.

Годы учебы пролетали незаметно, начались войсковые стажировки. Впервые, после благополучных кубанских и донских станиц, Николаю Баркову довелось увидеть настоящий быт русской деревни с покосившимися чёрными избами. Затерянные в лесной глуши населённые пункты, где даже электричество появилось только следом за постановкой на боевое дежурство ракетных полков. Быт, страшный своей нищетой и вековой безысходностью, которую они видели в опустевших посёлках и глазах женщин, становившихся старухами уже в 40 лет. Получалось, что они тоже нуждались в защите могучего ракетно-ядерного щита, но теперь это плохо укладывалось в сознании повзрослевшего Николая.

Самым ярким событием того времени для Баркова и его

товарищей стало вручение дипломов и присвоение офицерского звания. По очереди, чеканя шаг, они выходили из строя и прощались со знаменем училища. На глазах седых командиров, этих вечных нянек-воспитателей, теперь стояли слёзы. Взводный командир, капитан Конов, нашёл время каждому из них пожать руку и пожелать что-то особенное, своё. Он станет первым офицером, на которого они обязательно захотят быть похожими. Так оно и случилось, позднее. Все они будут чем-то неуловимо походить на своего первого командира и повторят его в своих поступках. Потом, в «Белой акации», где молодые офицеры собрались в складчину по случаю прощания с училищем, говорили капитану Конову уже они. Конечно, в кафе опять не всё обошлось гладко, видно разбередили душу крепкое вино и трио певших цыган. Посреди ночи, главный забияка и стихоплёт курса Евгений Романовский разгуляется, поймает такси и вместе с цыганами поедет из Ростова на свою родину, в Новочеркасск. Он остановится в донской степи, и плача, будет обнимать каменную бабу у скифского кургана. Утром следующего дня, он же, бледный как полотно, встанет на службе в войсковом Вознесенском кафедральном соборе, поминая своего деда фронтовика...

Мало ли чего не было тогда у каждого в жизни! Так состоялся союз с армией у Николая Баркова, который потом продолжался долгих 27 лет. Был ли он только по любви или расчёту? Скорее всего, в нём имелись обе эти составляющие.

Любовь к армии пришла у него заметно позднее, как зрелое чувство, через осознание своей новой ответственности и те немалые трудности, с которыми пришлось столкнуться во время службы. Зато такое отношение к армии оказалось очень прочным, и оно не отпускает его до сих пор...

Начало

Они ехали поездом уже четвёртые сутки. Их трое выпускников училища, молодых лейтенантов, получивших назначение на космодром Байконур. Только один из них вёз в дальний гарнизон молодую жену. Отважился на это земляк Баркова, Анатолий Никитин, закончивший училище с красным дипломом. Его жена Людмила была из хорошей обеспеченной семьи, а Анатолий вырос без родителей, воспитывался в детском доме. Брак получался неравным. Правда, офицерские погоны несколько исправляли такое положение. Многие говорили, что у них получилась красивая пара: оба видные и статные...

Анатолий долго и терпеливо ухаживал, добиваясь расположения своей будущей невесты и её матери, главной хозяйки и распорядительницы большого дома. Отец Людмилы, ведущий инженер тракторного завода, вечно погружённый в свою работу, сдался куда быстрее: «Делайте, что хотите». На проводах было пролито много слёз: «Оторвали кровиночку нашу от родного дома, увезут на чужую сторону в дикие казахские степи». Молодые, в отличие от родителей и многочисленных родственников, были веселы. Людмилу и Анатолия устраивала возможность вырваться из-под строгой опеки и поскорее начать самостоятельную, полную романтики и приключений взрослую жизнь в дальнем гарнизоне.

Теперь Людмила со страхом смотрела на однообразный, лишённый всякой растительности пейзаж, похожий на избытую метеоритами лунную поверхность, глиняные домики с плоскими крышами и ленивых верблюдов. В открытое окно вагона рвался горячий сухой ветер, от яркого солнца было невозможно спрятаться. Она уже не скрывала слёз и с тревогой думала о своём будущем. Два чемодана с её красивой модной одеждой здесь едва ли могли пригодиться. В Уральске к ним подсел разжалованный старший лейтенант, возвращавшийся из очередного отпуска. Дырки на помятых погонах от снятых звёздочек его совершенно не смущали. Офицер приехал сюда ещё вчера, вышел на платформу за пивом и отстал от поезда. Он был небрит и имел какой-то помятый, использованный вид. Вместе с ним в купе пришёл запах немытого потного тела, отчего стало казаться, что все они ехали таким составом, по крайней мере, суток десять. За новое знакомство молодые лейтенанты распили по бутылке скверного местного пива, имевшего странный зеленоватый цвет. Потом принялись угощать своего гостя водкой московского разлива, которую везли с собой. Новый знакомый доверительно пояснил, что в гарнизоне установлен сухой закон, и привезённое ими спиртное будет немедленно изъято на станции. Теперь он помогал им уничтожать алкогольные запасы, а в благодарность за это, с видом знатока, рассказывал про космодром удивительные вещи. Попутчик был доволен произведённым впечатлением и продолжал вдохновенно

врать дальше.

Из динамиков в купе под звуки домбры лились бесконечные унылые песни казахских акынов. Странные для русского уха звуки, похожие на завывание степного ветра... После Аральска начались пески, раскалённое солнце медленно катилось за горизонт, но жара не спадала. Наступившая ночь была похожа на разлитые чернила, за окном вагона ни огонька. Только в самый последний момент где-то вдали свернула цепочка огней автомобильной трассы. Впереди была станция назначения Тюра-Там, со стоянкой в четыре минуты. К этому времени все они стояли в тамбуре, вещи грудой были свалены рядом. Барков с волнением вглядывался в редкие огни приближавшейся станции. Ему хотелось скорее увидеть фантастические очертания города Ленинска, звёздной гавани космических кораблей. Поезд резко сбросил скорость, потом прощально лязгнул металлом сцепки, натужено дернулся и остановился. Они торопливо выпрыгнули на перрон и сразу же провалились в душную темноту. Со стороны невидимого поселка послышался хриплый лай собак. Едва ноги уперлись в твёрдую землю, как над их головами открылись россыпи звёздного неба. На космодроме оно было необыкновенным, яркие звёзды висели прямо над головой. По крайней мере, так решил для себя Николай Барков. Стоило протянуть руку, как у него сразу же начинался межпланетный контакт. Это был другой, неведомый мир. «Эллио утара гео», – сказала ему небо голосом Аэлиты. «Я все-

гда буду слышать тебя, голос любви и вечности бесконечной Вселенной, теперь мы рядом», – прошептал он. Этот момент Барков запомнил на всю жизнь.

Между тем, друзья уже торопили его. Здесь их ждали и встречали. Они быстро погрузились в «пазик» и через короткое время, после внимательной проверки документов, пересекли КПП в жилой зоне города Ленинска. К слову, их личный багаж на предмет «запрещённых к провозу напитков», никто тогда не осматривал. Позднее, в 1995 году, Ленинск переименовали в знакомый многим по информационным сводкам Байконур. Жилая зона за колючей проволокой называлась её обитателями просто «десяткой». Так это было принято во всех ракетных войсках. Теперь она должна была стать для них домом и второй родиной на долгие месяцы и годы военной службы.

Конечно, они уже были наслышаны от старших товарищей обо всех особенностях жизни на космодроме. Теперь им хотелось поскорее увидеть космическое хозяйство и легендарных покорителей вселенной. Воображение рисовало город будущего, навеянный прочитанными книгами из серии фантастики и приключений.

В середине 70-х годов прошлого столетия всё происходившее на космодроме было скрыто плотной завесой секретности. Каждый приезжавший сюда военнослужащий обязательно давал подписку о неразглашении военной тайны, не могло быть и речи о его выезде за рубеж. Это сейчас о Байко-

нуре уже многое сказано, написано и отснято на киноплёнке. Можно кратко напомнить читателю, что необходимость в таком испытательном полигоне возникла на фоне бурно развивающейся в 1950-е годы ракетной отрасли и связана с решением технических задач по созданию многоступенчатых ракет, предназначенных для обороны и многоцелевых космических исследований. Конечно, прежде всего, речь тогда шла о средствах доставки ядерных боеприпасов на территорию США, нашего вероятного противника. Нужно было в кратчайшие сроки лишить его преимуществ географического положения, сделать уязвимым для боевых межконтинентальных ракет.

Место для нового полигона должно было отвечать многим условиям. В их числе, как можно более близкое расположение к экватору для придания скорости стартующей ракеты за счёт вращения Земли, близость транспортных магистралей и одновременно удалённость от крупных населённых пунктов.

Такое место, близкое к этим требованиям, оказалось у железнодорожного разъезда Тюра-Там, в 350 километрах от поселка Байконур, давшего впоследствии историческое название самому космодрому. Строительство началось 12 января 1955 года с высадки небольшого отряда военных строителей на разъезде, затерянном в бескрайних пустынях Приаралья, в двух с половиной тысячах километрах от Москвы.

Ветераны космодрома рассказывали, какое тяжёлое впечатление произвело на них первое знакомство с местом бу-

дущего Звездограда – бескрайняя степь, пески и солончак. Только ветер гонит перекасти-поле в завесе песка по бескрайнему бесснежному пространству. Нет ни одного дерева, только несколько глиняных мазанок да мазары засыпанного песком кладбища. Позднее, нечто подобное Николай Барков прочитал у Чингиза Айтматова в романе «...И дольше века длится день»: «Поезда в этих краях шли с востока на запад и с запада на восток... По сторонам от железной дороги в этих краях лежали великие пустынные пространства – Сары-Озекы, Серединные земли жёлтых степей. В этих краях любые расстояния измерялись применительно к железной дороге, как от Гринвичского меридиана...»

Уже совсем иные оценки прозвучали у главного конструктора Сергея Королёва, ответившего сомневающимся специалистам: «Вы все ужасные прозаики. И как эту прозу выбить из вас – ума не приложу. Где найдёшь ещё такой благодатный уголок для будущих космических пусков, где свыше трёхсот дней в году солнце, а ночью на тебя смотрят мириады звезд? Да ты не представляешь, что здесь развернётся!» Он верил в осуществление своей мечты даже в сталинских лагерях, а здесь она была уже гораздо ближе. Конструктор умел не только мечтать, но и добиваться намеченного волею своего таланта и энергии.

Тогда только очень немногие знали конечную цель и масштабы всего затеваемого строительства. Создание полигона было окружено плотной завесой секретности. Даже сами во-

енные строители, согласно установленной легенде, поначалу считали, что возводят крупнейший в мире спортивный комплекс. Маленький разъезд был буквально завален непрерывно поступающим потоком строительных материалов и мощнейшей техники. Прибывали всё новые и новые контингенты военных строителей и специалистов. Несмотря на совершенно дикие бытовые и климатические условия и сложность инженерно-строительных задач, темпы работ были поистине ошеломляющими. Работы велись круглосуточно. Строили всё это, конечно, не «зэки», их на Байконуре никогда не было, а простые солдаты и офицеры. Чтобы построить первый и основной объект будущего космодрома – стартовый комплекс, нужно было вынуть около миллиона кубометров грунта и уложить десятки тонн сверхпрочного бетона. Вот тогда среди военных строителей начала ходить шутка о том, что там была вырыта и залита бетоном самая большая в мире яма. Поразительно, что через четыре месяца это сооружение было сдано под монтаж стартового оборудования и других систем, поставки которых на объект шли со всех концов. Космодром строила вся страна. Первоначально объект был рассчитан на 24 пуска, но потом с этого знаменитого старта запустили свыше 470 космических аппаратов. Надежность его полностью сохранялась. Многие согласятся, что повторение этого сегодня едва ли возможно.

Нет смысла упоминать фамилий этих строителей. Все, от генерала до простого солдата-строителя и монтажника, то-

гда трудились за пределами человеческих возможностей. Конечно, без чёткой организации совершить такое большое дело было бы невозможно. Главными заказчиками здесь были Сергей Павлович Королёв и маршал артиллерии Митрофан Иванович Неделин. Именно они чувствовали и регулировали пульс всей этой большой стройки.

Первоочередные объекты были завершены к декабрю 1956 года. В это время на полигоне работало уже почти две тысячи военных строителей и более пятисот гражданских специалистов. Незаметно, вместе с техническими объектами полигона стал возводиться и быстро расти жилой посёлок, начал обустраиваться элементарный человеческий быт на месте палаток и землянок. Русская душа просила зелени и, несмотря на тяжёлые условия, здесь начали сажать и растить деревья. Это не красивая сказка, что за каждым деревом для ухода закрепляли солдата, который при увольнении передавал его прибывшему пополнению. Со временем, на месте мёртвых солончаков выросли живые зелёные скверы и зацвели цветы. В густых зарослях неведь откуда появились и запели соловьи. У многих живших на космодроме, потом долгое время сохранялось особое и трепетное отношение к деревьям в любой климатической зоне.

Новый полигон рос быстро, словно сказочный герой. Создавались новые стартовые площадки, в том числе для боевых ракет, испытательные стенды, производственные мастерские, жилые зоны, прокладывались десятки километров

новых железнодорожных путей, автомобильные шоссе и дороги и линии электропередач.

Трудно поверить, но через два с половиной года после первого вбитого в песок колышка строительной разметки, со старта 2-й площадки был произведён первый испытательный пуск межконтинентальной ракеты Р-7, той самой легендарной семёрки. Это произошло 15 мая 1957 года и стало началом славной истории космодрома Байконур. Уже 4 октября 1957 года восхищённый мир учился по слогам выговаривать незнакомое русское слово «спутник» и искать в звёздном небе движущуюся светящуюся точку. Страна Советов вырвалась далеко вперёд в этой большой гонке.

Параллельно с созданием оборонного ракетно-ядерного щита начался планомерный штурм космоса. Таким образом, партийным руководством страны решалась стратегическая задача доказательства преимуществ социалистической политической системы. В 1959 году произойдут запуски автоматических лунных станций, и мир увидит фотографии обратной стороны Луны. 19 августа 1960 года запустят космический корабль с собаками Белкой и Стрелкой, которые благополучно вернутся на Землю. А 12 апреля 1961 года, всего лишь через шестнадцать лет после страшной войны, мир узнал о первом в мире полёте в космос советского человека, Юрия Гагарина. Это событие знаменовало собой открытие эры пилотируемой космонавтики. Тогда впервые в эфире прозвучали слова «космодром Байконур». Президент США

Джон Кеннеди так прокомментировал это событие: «Русские нас сделали. Для кого-то – это русский вызов, а для меня – шок».

Большая космическая гонка продолжалась. Каждое новое сообщение об очередной победе страна встречала с восторгом, а дети мечтали стать космонавтами. 16 июля 1965 года будет произведён запуск новой мощной многоступенчатой ракеты-носителя типа «Протон», наступила эра исследования планет и других небесных тел Солнечной системы. Осуществляются мягкие посадки космических аппаратов на Луну, Венеру и Марс. Активно шли работы по созданию самой мощной ракеты-носителя Н-1 КБ Сергея Королёва. Это была поистине королевская ракета, длиной 120 метров и 17 метров в диаметре хвостовой части; наша главная надежда в осуществлении лунной программы и сохранении первенства в космосе. Старики-конструкторы утверждали даже больше, что Сергей Павлович готовился покорять на ней Марс. К сожалению, все её пуски в 1969, 1971 и 1972 году оказались аварийными, без Сергея Королёва эта ракета просто не хотела летать.

Их встреча с космодромом состоялась 6 августа 1974 года. До этого только некоторым из курсантов удалось побывать в ходе стажировки на первом ракетном полигоне Капустин Яр, где уже тогда многие чётко усвоили, что работа офицера, командира и техника требует высокой ответственности, и любая небрежность может привести к большой беде.

Жилая зона Байконура в излучине реки Сырдарьи тогда представляла собой военный городок с населением в 70 тысяч человек. Ничего фантастического в нём они не увидели. Обыкновенные дома, и люди в них жили тоже самые обыкновенные. Типовые застройки кварталов делали этот город похожим на сотни других. Отличало его, пожалуй, только обилие памятников первопроходцам космоса и непривычная разветвлённая система полива деревьев в виде арыков. Рядом с берегом реки находились особый, «нулевой» квартал и гостиница «Космонавт», где перед запусками жили космонавты. Была там особая, звёздная аллея деревьев, которые посадили космонавты. Правофланговым в ней и сейчас стоит карагач Юрия Гагарина. В Ленинске всегда было молодое население, средний возраст которого не превышал 32-х лет. Здесь всегда было много детей. Их родина – космодром, и этим они потом гордились всю свою жизнь. Кто-то из них, уже став взрослым и окончив институт, возвращался сюда и продолжал дело своих родителей.

Рядом с Ленинском находилась ещё одна, известная всем 13-я площадка – местное кладбище. В семидесятые годы прошлого века там ещё хоронили военнотружущих, но потом их всё чаще стали отправлять на родину. Страшное это было место в закрытой зоне: покосившиеся, забытые безликие могилы с жестяными звёздами и наступавший на них песок. Сюда уже было некому приходить...

Что и говорить, простора здесь хватало. Огромные рав-

нинные расстояния оглушили Николая Баркова с самого первого дня. Куда ни глянь в сторону от железной дороги – везде одна голая безлюдная степь на многие десятки и даже сотни километров. Со стороны Арала сюда двигались пески. Можно было подумать, что Байконур находился где-то на самом краю света. Так казалось только на самый первый взгляд. Из обустроенного, озеленённого города не видно, что степь за его границами изрезана шоссейными дорогами и железнодорожными ветками, ведущими к стартовым площадкам, техническим позициям и военным городкам, разбросанным на огромной территории. Эта невидимая человеческому глазу жизнь время от времени напоминала о себе дрожью земли, извергавшей огненные смерчи, и уходившими в небо ракетами. Спустя многие годы службы на Байконуре Николай Барков так привыкнет к этим бесконечным равнинам и расстояниям, что ему всегда будет не хватать воздуха в замкнутых пространствах уютных европейских городов.

Свободного места действительно было много. Только раз, гуляя в степи, Николай увидел на холмах рядом с армейским колючим ограждением разрушенные мазары какого-то старого мусульманского кладбища. Местные аксакалы говорили, что строители космодрома потревожили там духов, и это нарушило существовавшее веками равновесие. Добром это не закончится. Военные люди были атеистами и в ответ аксакалам только снисходительно пожимали плечами: «Места-то вокруг полно, сколько хочешь. Почему вам нужно хоронить

именно здесь?» Они в такие сказки не верили и шутили: «Избавление от мёртвого в погребении скором. Любой холмик для этого подойдёт».

Старикам космодром не нравился, и они возражали военным: «Места в степи много. Только и люди не животные, они не закапывают своих близких, где попало». Действительно, случалось, что тело умершего, завернутое в кошму, казахам приходилось везти за сотни километров. Такие правила и традиции у местных народов складывались и сохранялись веками.

Первые дни на Байконуре стали для Николая Баркова временем привыкания к необычным климатическим условиям, жаре, которая не отпускала даже ночью. Если вспомнить, то эта пустыня в его жизни стала уже второй. Первыми у него были пески Гоби в Монголии, где проходила военная служба отца. Там строили участок железнодорожной магистрали Москва – Пекин. Николаю тогда исполнилось четыре года. Воспоминаний у него сохранилось совсем немного, обрывки полученных впечатлений. Весной пустыня Гоби покрывалась голубым цветом черемши, а летом по утрам от перепада температуры трещал камень. Время текло медленно, но ещё медленнее двигались отары овец по степи. За дрожащей линией горизонта открывались водопады и озёра чистой воды, но это был только мираж. Воду к баракам привозили в цистернах солдаты. А ещё реальностью был стоявший рядом верблюд с ключьями свалявшейся грязной шерсти. У

него безразличная жующая морда. «Сейчас плюнет», – лихорадочно пронеслось в голове маленького Николая. Он отбежал на безопасное расстояние и принялся кидать в него камни.

Опасность пришла неожиданно: на Николая стремительно набросилась стая собак. Мать тогда оказалась рядом и успела поднять его к себе на руки. Убегать было поздно, она прижала сына и закрыла глаза. Спас их подбежавший дежурный офицер, который прикрывая их собой, начал стрелять. Бешеный лай и визг, оскаленные морды и смертельная агония кувыркавшихся под выстрелами собак. Для Николая произошедшее долгое время оставалось досадным приключением. Осознание грозившей им опасности и поступка матери пришло только потом.

На космодроме время текло гораздо быстрее. Служба у военнослужащих оставалась службой. Первое лето на Байконуре Николаю запомнилось особенно сильной жарой. Солнце, быстро поднявшись над землёй, потом надолго застывало в одной точке над космодромом. Земля прокаливалась до такой степени, что вараны, и те не знали, куда себя деть, не пугаясь людей, бежали и прятались от солнца в бетонных стартовых сооружениях. К камню и металлу голыми руками нельзя было прикоснуться. В такое время все работы и учебные занятия на улице сразу прекращались и переносились в закрытые помещения. Среди личного состава случались и потери от теплового удара, но без смертельных исходов. Все

солдаты на космодроме носили облегчённую форму: панамы и ботинки. Обмундирование быстро выгорало на солнце добела и становилось предметом их особой гордости. В большой моде у солдат были татуировки ракет, скорпионов. На ногах непременно имелась гордая надпись: «Они топтали пески Байконура». С непривычки новички начинали поглощать воду литрами, а потом едва могли передвигаться.

Помнится, что начальник штаба майор Зеленов тогда старался подбодрить прибывших к нему молодых офицеров:

– У нас такое лето не всегда. Просто этот год неудачным выдался. Ещё двадцать дней от силы потерпите, а потом полегчает, спадёт жара. Замучила она всех, не только вас, новичков. В другой раз летом погода часто меняется, чередуется с прохладными днями. Год на год не приходится, но бывает. Я здесь уже четверть века служу, по всем приметам осень у нас будет хорошей.

Он словно оправдывался перед ними за возникшие климатические неудобства. Жалко ему было молодых лейтенантов, они даже с лица от духоты спали.

– Значит, гарантируете? – смеялись новички.

– Можно сказать, что да.

Предсказание начальника штаба сбылось только в начале октября. Получалось, что лето на космодроме длилось почти пять месяцев. Стала прибывать долгожданная прохлада. Началось с того, что 2 октября пошёл первый дождь. Он был странный, вода бурлила и бежала на поверхности и совсем

не пропитывала землю. Этот день Баркову запомнился тем, что в их полку перевернулась машина со специальным оборудованием. Солдат – водитель не справился с управлением на мокром и скользком асфальте.

Между тем молодым офицерам нужно было начинать службу в своих подразделениях. У них быстро появился прочный «офицерский загар», который чётко проходил по воротнику и манжетам форменной рубашки. Появилась привычка пить в жару горячий зелёный чай или отвар из верблюжьей колючки. В свободные дни можно было искупаться в Сырдарье, реке с довольно быстрым течением и подвижным дном. Едва стоило задержаться на одном месте, как ноги начинали проваливаться в вязкий глинистый песок. По сезону вода в реке меняла свой цвет, приобретая жёлтые, зеленоватые или красно – коричневые оттенки. В общем, почти совсем как египетский Нил, если кто это помнит. За неимением свободного дневного времени многие ходили освежаться ночью к источнику, который бил из-под земли прямо на берегу. Вода в нём была прохладной и чистой. То, что она сильно пахла сероводородом, никого не смущало. В жаркое время источник становился своеобразным местом ночных встреч для городской молодёжи. Кто-то купался под его струями сам, другие просто наблюдали, как под ниспадающей водой сверкали упругие бёдра и икры босых ног молодых женщин, как сияли радостным задором их лица, сверкали белые зубы. Во всём этом для молодых людей того вре-

мении было немало привлекательного. Офицеры очень скоро узнали, что сухое вино, разбавленное водой, хорошо утоляло жажду, а после таких ночных купаний можно было спокойно спать до самого утра без мокрых простыней.

Со временем ими делались и другие важные открытия, которые касались службы. Прежде всего, следовало понять, что в армии всегда тяжелее твоему подчиненному, солдату, прапорщику или офицеру. Ещё лучше научиться ставить себя на его место. Без такого человеческого понимания нельзя было стать серьёзным инженером-испытателем или командиром. Причём, всё это становилось ещё более очевидным в ходе служебного роста офицера. Следовало помнить, что офицер был всегда на виду и не имел права на профессиональную неготовность, на проявление слабостей, их ему просто могли не простить. Сейчас бы такое назвали публичностью в профессии, а тогда – просто авторитетом и честью офицера, инженера-испытателя.

По прибытию на космодром все молодые офицеры были назначены на должности в свои части и подразделения. Удачей считалось сразу попасть в подразделение, которое непосредственно занималось испытательной работой на стартовых комплексах и технических позициях с ракетносителями и космическими аппаратами. Однако планы пусков ракет и создания орбитальных группировок формировались совершенно на другом высоком уровне и молодым офицерам, инженерам – испытателям приходилось через троё су-

ток на четвёртые ходить в наряды по части и гарнизону или месяцами сопровождать солдат на различные хозяйственные работы.

У большинства офицеров место службы было на «площадках», где располагались стартовые комплексы, монтажно – испытательные корпуса и военные городки с личным составом. Всё это находилось за многие десятки километров от Ленинска. Туда обычно ездили поездом – «мотовозом», по специальному расписанию. Иногда так у офицера проходила вся его служба. Он мог совершенно не знать о характере работ своих товарищей – сослуживцев на других таких же «площадках». Запускаемые пилотируемые корабли и космические аппараты имели оборонное, научное или, как тогда говорили, народно-хозяйственное значение: «Спутники», «Луны», «Венеры», «Марсы», «Фобосы», «Космосы», «Востоки», «Восходы», «Союзы», «Салюты», «Астроны», «Горизонты», «Зонды», «Молнии», «Метеоры», «Прогнозы», «Экраны», «Электронны»...

Барков попал в подразделение, занимавшееся обслуживанием технических систем монтажно – испытательного корпуса и сильно расстроился. Получалось, что космос пока штурмовали без него. Кроме этого в подразделении не хватало офицеров, и его почти сразу назначили временно исполнять обязанности на ступень выше. Состояние оборудования было плохим, нарекания в его адрес сыпались постоянно. Тут и волком можно было завывать, да кто бы оценил этот

сольный вокал? Пришлось дневать и ночевать в своём подразделении. Это не осталось вне поля зрения командира части, полковника Ковалёва Валентина Ивановича. Он дважды неожиданно отметил положительно работу Баркова на общем построении полка, называя его при этом уважительно, по имени – отчеству. Это притом, что тогда даже некоторые солдаты были опытнее в жизненном плане и старше его по возрасту. С легкой руки командира, Николая Баркова, ещё молодого лейтенанта, многие командиры тоже стали величать по имени-отчеству. Вроде, как приняли его в свой круг. Такая неожиданная душевная поддержка оказалась важнее любого поощрения. Дела в подразделении действительно пошли лучше. В общем, в службе лейтенанта Баркова тогда, наверное, произошло самое главное: он поверил, что ему действительно стоит продолжать военную службу. К слову, командир обещал ему поддержку в переходе в испытательное подразделение. Не сразу, но своё слово он тогда сдержал.

Как и у большинства молодых офицеров, работа в части поглощала у Николая Баркова большую часть суток, оставляя только немногие часы на восстановление сил и отдых. Семейные офицеры почти сразу после прибытия на космодром получали в гарнизоне служебное жильё – отдельные квартиры, все остальные могли уверенно рассчитывать на свою койку в офицерском общежитии. По тем временам «космический» Ленинск отличался хорошим «московским», как тогда говорили, снабжением. Было ли оно таким

действительно, неизвестно. Скорее всего, уже нет. Просто столица всегда являла собой некий эталон благополучия для остальной страны. Другое дело, что за колючей проволокой в казахских посёлках люди жили значительно хуже военных, да и в целом во многих остальных регионах большой союзной державы, тоже. Спустя десять лет в гарнизоне со снабжением было уже одинаково плохо, как и во всей стране. Именно в ту пору офицерское собрание части однажды отпустило Николая Баркова налаживать шефскую помощь детскому интернату в Джусалинском районе. Ему нужно было всё самому посмотреть и определить место для приложения небольших возможностей их офицерского коллектива. Там он впервые увидел детей, худых и отстававших в физическом развитии из-за скудности организованного питания. Офицеры тогда собирались передать интернату телевизоры и кое-что из своей служебной мебели.

Спустя годы Барков вспоминал, что получаемого денежного довольствия ему хватало именно в эти далёкие, не обременённые семейным обозом молодые лейтенантские годы. На службе они выкладывались полностью, зато находясь в отпуске могли посещать любые театры, рестораны или получать льготное курортно – санаторное лечение. Свою первую лейтенантскую зарплату Барков самым бессовестным образом истратил на фирменные американские джинсы и модный итальянский плащ, похожий на тот, в котором он видел красавца Алена Делона в каком-то фильме. Правда, про пла-

ток матушке и хороший коньяк отцу Николай, конечно, тоже не забыл. После приезда на космодром про гражданские вещи пришлось быстро забыть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.